

АННА ДАНИЛОВА

*В провинциальном городке
пропадает известный хирург...*

ЧЕРНАЯ ПЕРЕПЕЛКА

Психологический детектив

Анна Васильевна Данилова
Черная перепелка
Серия «Эффект мотылька.
Детективы Анны Даниловой»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62990970

Черная перепелка. Роман: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-116561-1

Аннотация

В небольшом провинциальном городке бесследно исчезает знаменитый на всю округу доктор Тропинин. В красавца хирурга были влюблены практически все женщины в больнице и за ее пределами. Его обожали, ему завидовали, но равнодушным к нему никто не оставался, именно потому его исчезновение стало таким потрясением для всего города. Больше месяца никто ничего о Тропинине и его новой девушке не слышал, пока в канун Нового года три его коллеги и по совместительству поклонницы не приехали в загородный дом...

Содержание

1. Из дневника ***	5
2	6
3	13
4	22
5. Из дневника ***	33
6	36
7	43
8. Из дневника ***	49
9	54
10	65
11. Из дневника ***	69
12	75
13	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Анна Васильевна Данилова

Черная перепелка

Роман

Все события и персонажи вымышлены. Любое сходство с реальными событиями случайно...

От автора

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Текст. А. Дубчак, 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

1. Из дневника ***

«Главное – не думать о том, какого цвета стали его ресницы... Белые, в инее... Как ножницами вырезать картинку. Забыть, как забываешь сны. Кошмарные сны.

Не думаю, что кому-нибудь придет в голову проверить все кисти, что лежат в коробке с акварельными красками. Кисти как кисти. Обыкновенные. Да и золотая цепочка настолько тонкая, что никогда и никому не бросится в глаза – такие есть почти у каждой. И баночку крема, которую я спрятала в бельевом шкафу, тоже можно найти на туалетном столике любой женщины. Вот только пушистый розовый носок, если найдут у меня, то могут возникнуть проблемы. Но кто ж его будет искать?»

2

Юлия Тропинина поднялась с постели. Посмотрела с отвращением на спящего на другой половине кровати мужчину, набросила на себя халат и направилась в ванную комнату.

Вот так каждое утро она спрашивала себя, почему до сих пор не рассталась с этим мужчиной. С каждым днем он становился ей все неприятнее и неприятнее, раздражал по всяким пустякам. Да если бы даже просто сидел на стуле, молчал и смотрел в окно, даже тогда ей захотелось бы его ударить. И чтобы кровь пошла из его носа. Все в нем вызывало в ней отвращение, что бы он ни говорил, ни делал.

«Вот сегодня же поговорю с ним, скажу, чтобы съезжал».

Она и сама не могла объяснить себе, зачем согласилась, чтобы он переехал к ней. Конечно, всему виной ее растерянность и страхи, с которыми она не могла справиться без таблеток. Ей важно, чтобы в квартире был кто-то, а еще лучше – в постели. Тогда не так страшно.

И ночью она как-то еще терпела его присутствие, он был такой душевной грелкой, она знала, что всегда может по привычке обнять его, забыв о том, что тот, кого она на самом деле хотела бы обнять, уже давно не живет с ней, что они в разводе и у него своя жизнь. А теперь уже, может, и не жизнь...

Она ничего не знала о том, что случилось с ее бывшим мужем, который после своего исчезновения стал ей как будто

бы даже ближе, и когда она беседовала со следователем, то представлялась женой, забыв определение «бывшая».

Ей казалось, что вот уж теперь, когда весь город ищет ее мужа, доктора Максима Ивановича Тропинина, она имеет все права на него, на все, что с ним связано. И только она имеет право ловить на себе сочувствующие взгляды, выслушивать слова сопереживания.

Уверенно разговаривать со следователем тоже может только она, его верная спутница жизни, женщина, которая знает о своем муже все, ну, или почти все. Девять лет брака – это вам не фунт изюма съесть.

На первый вопрос, который ей задал следователь Дождев, не знает ли она, где может находиться доктор Тропинин, она ответила, что не знает.

Но о своих предположениях решила не говорить.

Загулял! Если бы она так ответила, то за этим последовал бы незамедлительно второй вопрос: с кем и где? А вот этого она, к своему огорчению и раздражению, не знала.

На третий вопрос, случалось ли раньше с доктором Тропининым нечто подобное, ей пришлось бы ответить, что нет, никогда. Что, несмотря на его внешнее легкомыслие, веселый нрав и неистребимую любовь к женскому полу, он – человек ответственный, замечательный доктор, который печется о своих больных, как если бы они были его самыми близкими людьми. И вот когда Юлия говорила о Тропинине как о враче, причем неважно с кем, слезы текли по щекам, а грудь

сдавливало так, что ей трудно было дышать.

С доктором Смушкиным, венерологом, она сблизилась на так называемом корпоративе, на вечеринке, пьянке. У кого-то из сотрудников районной больницы, где Юлия работала заведующей хирургическим отделением, был день рождения.

После развода с Тропининым она считалась свободной женщиной, что давало ей право открыто флиртовать с мужчинами, что она, собственно говоря, и делала на той самой вечеринке в ординаторской. Причем на глазах своего бывшего мужа, Тропинина, который, в отличие от нее, напротив, вел себя вполне пристойно, выпил немного, после чего отправился в реанимацию, где лежал тяжелый больной, да и оставался там почти до утра.

Михаил Смушкин же, которому всегда нравилась высокая стройная брюнетка Тропинина, сначала оказывал ей за столом всяческие знаки внимания, подливал ей вина, накладывал закуски, а потом пригласил потанцевать.

Музыку сделали тихую, чтобы не разбудить пациентов.

Михаил шептал на ухо опьяневшей Юлии такие слова, комплименты, так выражал свои желания, что она уступила. От слабости, злости на Тропинина, бросившего ее, от желания проверить себя как женщину с другим мужчиной.

Но алкоголь смазал картинку соблазнения, а потому наутро, проснувшись в своей спальне рядом с волосатым венерологом, она не то что не могла вспомнить свои ощущения,

ее чуть не стошнило от сознания того, что она натворила. И, тем не менее, эта ночь сблизила ее с Михаилом, что дало ей право впоследствии выплеснуть на него всю свою тоску, разбавить новыми ощущениями одиночество, ну и, конечно, дало надежду, что об этих отношениях станет известно бывшему мужу.

Михаил Смушкин, невысокий и полноватый, густо поросший шерстью смуглый мужчина армянских и еврейских кровей, хоть и уступал чисто внешне, физически белокожему красавцу Тропинину, высокому блондину с черными глазами, но обладал множеством качеств, которые привлекали к себе женщин. Он был умен, характер имел мягкий, да и мужчина оказался на редкость ласковый и терпеливый.

Он понимал, что происходит с Юлией, терпел ее вспышки раздражительности, заботился о ней, дарил подарки, часто вывозил ее за город, считая, что свежий воздух и смена обстановки благотворно подействуют на ее нервную систему.

Прошел почти месяц с тех пор, как пропал доктор Тропинин. Его исчезновение выглядело так, словно его забрали к себе инопланетяне. Вот просто исчез человек, и все. Ничего с собой не взял – ни документов, ни теплой одежды, ни чемодана. В квартире, что он снимал после развода, все выглядело так, как если бы он только что встал и вышел на балкон покурить. Постель смята и не убрана, на кухонном столе – чашка с недопитым кофе. В холодильнике, как всегда, почти пусто. Вот только наличных денег нигде не было обнаруже-

но.

Зато на банковских счетах лежало около двух миллионов рублей, не считая тридцати тысяч евро на валютном счете. И с тех пор как он исчез, выйдя из больницы 30 ноября 2019 года, движения денег также не было.

Вот это пугало Юлю больше всего.

Уверенная в том, что он отправился в новую жизнь с очередной возлюбленной, она не могла не понимать, что такой решительный жизненный финт требовал денег. Но деньги не снимались, никому не переводились. Тогда на что они, Тропинин со своей спутницей, жили весь этот месяц?

Доктора знал весь город, он был хирургом и успел за пятнадцать лет своей работы в районной больнице прооперировать много людей. В небольшом волжском городке Марксе его ценили и уважали. А потому предположить, что его исчезновение может носить криминальный характер, было просто невозможно. И перепутать его с кем-то было тоже сложно, уж слишком яркой личностью был Макс Тропинин, его белокурые волосы невозможно было не заметить, спутать с другой шевелюрой, да и ростом был под два метра.

Конечно, следователь Дождев спрашивал Юлию про врагов доктора, не известно ли ей о них. Все же искали мотив преступления. Врачебная ошибка, к примеру. Но ничего такого никто из персонала больницы вспомнить не мог.

Безусловно, у него, у хирурга, было свое маленькое кладбище, но близкие пациентов, которые не выдержали хирур-

гического вмешательства и умерли, сами понимали, что врачи – не боги и что в больнице было сделано все возможное, чтобы только спасти им жизнь. Никаких серьезных конфликтов, разбирательств, жалоб...

Макса Тропинина в больнице любили все, начиная от гардеробщицы тети Зины и кончая хирургами-коллегами.

Талантливый хирург, обворожительный мужчина, остроумный собеседник, весельчак, заводила...

И Смушкин не виноват, что не похож на него, и не заслуживает того, чтобы его ненавидели и презирали. Но уж слишком велик был контраст...

Юлия, приняв душ, сварила себе кофе.

Сидя возле окна и поглядывая на распоясавшуюся за ним метель, она содрогнулась, представив себе, что она уже рассталась с Мишей и живет одна.

Нет-нет, пусть уж живет с ней, здесь, в ее квартире. Одна она точно будет выть от одиночества и тоски.

Она заглянула в спальню – Миша спал, тихонько похрапывая.

– Я пошла... – сказала она, словно для того, чтобы извиниться за недавние к нему нехорошие чувства.

Он мгновенно проснулся и открыл глаза.

– Куда? В магазин?

– К Дождеву.

– А... Хочешь, я с тобой пойду?

– Нет-нет. Это лишнее. Просто спрошу, нет ли новостей

каких...

Хотя оба знали, что новостей точно нет, иначе Дмитрий Дождев, следователь, который занимался поиском доктора, непременно позвонил бы им.

– Если нет новостей, это тоже неплохо, значит, он жив, его не нашли...

Она вздохнула. Поняла – он имел в виду, что тела не нашли.

3

– Вы его не ищите! Месяц уже прошел!

Дмитрий Дождев, худошавый высокий мужчина тридцати шести лет, в свитере темно-красного цвета, откинулся на спинку своего стула и теперь молча рассматривал Тропинину.

Бледная, нервная, губная помада бежевого оттенка неровно легла на губах. Она сильно сдала за это время, пока ищут ее бывшего мужа. Совсем потерялась.

Может, скрывает чего? Ждет, когда тело найдут?

Все знали Тропинина как сердцеда, бабника, поговаривали, что он зажимал в углах больницы всех особ женского пола, что был ненасытным, дерзким и веселым.

Да, вот почему-то все называли его веселым. Что, мол, порхал по жизни, беря от нее все удовольствия. Однако пил в меру, никто и никогда не видел его пьяным. Говорят, даже пиво не пил, только дорогой коньяк, и совсем немного.

Светлый человек. Красивый как бог. Это женщины так о нем отзывались.

Вот и куда он мог деться?

Его машина как стояла на парковке рядом с крыльцом больницы, так и стоит до сих пор. Ее обследовали, ничего подозрительного не нашли. В квартире – тоже.

Съемная квартира, безлика, почти пустая. Ни одной

женской вещи, ни шпильки, как говорится, ни помады или расчески.

Он жил один. Правда, в ящике письменного стола нашлась одна упаковка презервативов. Но это нормально.

Ни подозрительных документов или писем с угрозами. Никто не слышал, чтобы у него с кем-то был конфликт. Никаких разговоров о том, что он собирается куда-то уезжать, что в его жизни произойдут перемены (как было недавно с одним скромным агрономом, нашедшим клад. Вот он всем своим друзьям трезвонил, что у него скоро изменится жизнь, что разбогатеет...).

Доктор Тропинин пропал. И его исчезновение, как подсказывала интуиция Дождева, было связано с женщиной. И необязательно, что его убила женщина. Это мог сделать муж или любовник женщины, с которой он связался.

– Юлия Андреевна, мы провели ряд необходимых оперативных мероприятий... – начал Дождев, но Тропинина его перебила:

– Да вы это мне уже сто раз говорили! Но что толку-то от ваших мероприятий?! Быть может, стоит еще раз хорошенько проверить его телефон? Хотя... Что я говорю? Вы же и телефон его не нашли.

– Телефона нет, но проверить список его абонентов и разговоров мы смогли. Поверьте мне, там только ваши коллеги по больнице. И всех уже допросили. В некоторых домах произвели обыски, но ничего, что указывало бы на связь ва-

шего бывшего мужа с этими особами, – нет. Я понимаю, вся больница гудит, образ доктора Тропинина обрастает слухами, ему приписывают многочисленные любовные романы, но на деле оказывается, что по большей части все это – фантазии ревнивых женщин, ваших коллег. Безусловно, доктор Тропинин – мужчина интересный, и поскольку он находится сейчас в разводе, то свободен, сами понимаете... Но если у него и были отношения с вашими коллегами, то все они хранились в тайне. Во всяком случае, в их семьях все спокойно, и у мужей нет никаких претензий...

– Так они вам и скажут! – нахмурилась Юлия. – К тому же только я знаю трех его любовниц, и все они, кстати говоря, не замужем. Так что и мужья здесь ни при чем.

– Вы имеете в виду Савушкину, Кравченко и Наполову?

– Да... – выдавила из себя Юлия.

– И что вы хотите сказать? Что одна из них из-за ревности могла бы...

– Да ничего я не хочу сказать! Он жив, слышите?!

– Но если так, то почему же он не сообщил, где находится? Даже если предположить, что он куда-то уехал, то точно уж недалеко, потому что его паспорт дома... И внутренний, и заграничный. К тому же все считают его человеком ответственным, а раз так, то разве мог он вот так взять и оставить работу? Бросить своих пациентов? Причем в конце ноября у него было запланировано целых восемь операций!

– Вот вы спрашивали меня, пропадал ли он раньше, и я

ответила вам, что нет. Но вы не спросили, надолго ли. Так вот, надолго – нет, никогда. Но бывало такое, что он исчезал на несколько часов. Телефон оставлял в ординаторской, а сам словно испарялся. Или, к примеру, вечером ехал на своей машине домой, но дома его не было...

– Это уже детский сад, честное слово! – не выдержал Дождев.

Юлия поняла, что перегнула палку, что тот факт, что Тропинин после работы ехал не домой, а куда-то еще, не считалось исчезновением. Это для нее, для его жены, считалось, что выпал из поля ее зрения. Но что, если Дождев догадается, что она следила за ним? Все пыталась выяснить, с кем же он встречается.

– Скажите, что я могу сделать, как помочь следствию? Может, поговорить с кем-то по душам?

Дождев, допросив многих коллег Тропининой, отлично знал, как к ней относится коллектив, как подсмеиваются над ее неоправданной ревностью, а потому лишь развел руками, понимая, что все это будет бессмысленным и никто и никогда не пойдет с ней на сердечный разговор. Не тот это человек, с которым хотелось бы потрепаться по душам.

Подозрительная, иногда даже агрессивная, вся на нервах – она меньше всего располагала к женской дружбе. Единственно, за что ее ценили на работе – это профессионализм.

– Я предполагаю, что он вел двойную жизнь, – зачем-то сказала она, словно для того, чтобы в этом деле появилось

что-то новое, интригующее.

Дождев, который и сам вел двойную жизнь, постоянно мотаясь в Москву к своей замужней любовнице, тихо засмеялся.

– Я поняла, что вас так рассмешило... Вы, мужчины, все ведете двойную, а то и тройную жизнь. Ладно, я пойду... Вы, Дождев, лицо незаинтересованное, вы не были с ним знакомы, вы ничего о нем не знаете, а вот если бы он был вашим другом, тогда вы бы поставили на уши весь город, район, область! Такой человек, как Макс, не мог пропасть просто так... Возможно, его похитили какие-нибудь бандиты... Да, я видела кино, там, где разборки, огнестрел, там всегда нужен доктор... Может, его просто вынудили работать на таких вот отморозков, на настоящих бандитов, уголовников!

– Хорошо, я вас услышал.

– Ищите, прошу вас. Ладно, я пойду.

– Всего хорошего, Юлия.

– Постойте... Помните, мы как-то говорили, что тому, кто сообщит о местонахождении моего мужа, будет выплачено вознаграждение в размере пятидесяти тысяч рублей.

– Ну да, конечно, помню.

– Так вот, я готова заплатить сто тысяч рублей. Я уже разместила пост в соцсетях, инстаграме. Вы должны это знать.

– Хорошо, я понял.

Дождев был уверен, что доктора уже нет в живых.

Группа волонтеров в течение недели шерстила леса во-

круг города, а сосновый бор, расположенный позади больницы территории, метр за метром обследовали военные. И снег был чистый и белый, и весь лес, каждая сосна как на ладони, а потому искать было легко, но ни одного следа, который указывал бы на пропавшего доктора, не было.

Опросив всех медсестер и врачей, которые дежурили в тот роковой день, Дождев понял, что Тропинин вышел из больницы в темно-синей парке с меховым капюшоном, зимних черных кроссовках, синих джинсах и белом свитере.

Кто-то из персонала заметил, когда Дождев спросил, не заметили ли они каких-то деталей, изменений во внешности доктора или в его поведении, что от него как-то особенно вкусно пахло. И что это не его парфюм. А какой-то новый.

Кто-то еще горько пошутил, что от него, наверное, пахло женскими духами.

Дверь вдруг распахнулась, это снова была Юлия Тропинина.

– Я вспомнила... Это случилось этим августом. Мы были еще тогда женаты. Макс вышел из дома в пятницу, а вернулся в понедельник утром.

– И?! Вы выяснили, где он был?

– Да. На рыбалке.

– Думаете, мне стоит обратить на это внимание?

– Я не знаю... Но до этого он никогда не ездил на рыбалку.

Он вообще не любит рыбалку.

– Может, компания была интересная? Не мог отказать?

– Я не знаю точно. Может, пациент? Депутат, к примеру, или какой-то крупный чиновник. Не могу сейчас вспомнить. Но рыбалку, повторяю, он не любит. Он, как и вы, предпочитает не ловить, а есть рыбу. Особенно жареных карпов. И то кафе на пляже – его любимое место... Он часто, когда тепло было, в перерыв заезжал туда, его там хорошо знают. Жаль, что оно зимой не работает.

Она ушла, Дождев какое-то время смотрел на дверь.

Несчастливая женщина. Никак не может принять то, что Тропинин ушел от нее. А почему ушел?

В больнице поговаривали, что она изводила его своей ревностью, что просто замучила. Но как тут не замучить, когда вся больница сохла по нему?

Любовь, ревность... Звучит как-то сентиментально, как слова романса. А ведь именно эти чувства зачастую и приводят к смерти, именно эти чувства толкают людей на преступления, убийства. Они сжигают людей изнутри, растапливают мозг, затуманивают все вокруг, и человек страдает, страдает...

Уж он-то, Дождев, это знает, как никто...

Он позвонил оперативнику и попросил выяснить, с кем доктор Тропинин отправился на рыбалку полгода тому назад, в августе. Ведь если человек не любит рыбалку, но едет, да еще и с ночевкой, остается там на двое суток, значит, не может отказать.

Но хотя Дождев и не был сам лично знаком с доктором,

но так уже многое о нем узнал, услышал, что ему казалось, что они давно знакомы.

Так вот, доктор Тропинин не из тех людей, которые из вежливости станут ловить рыбу и кормить комаров где-нибудь на острове в течение двух суток, вместо того чтобы заказать себе жареного карпа в кафе на берегу Волги и провести ночь в удобной постели рядом с женой.

Он – человек независимый, ему ни от кого ничего не надо, в смысле, ни звания или должности, ни муниципальной квартиры, ни других благ. Все, что он имел и имеет, он получил, будучи обыкновенным хирургом в районной больнице.

В свое время он прооперировал какого-то чиновника, за что потом и получил квартиру (в которой сейчас благополучно проживает его бывшая супруга). Машину ему подарил один бизнесмен, которому он успел удалить аппендицит до того, как случился гнойный перитонит, просто спас его. Машина не новая, но в хорошем состоянии, «BMW». И он ее принял. Скорее всего, он и деньги от благодарных пациентов принимал, но об этом в больнице не любили говорить, никто не предал доктора. Но вот самому выпрашивать что-то у сильных мира сего, намекая, что, мол, я спас тебе жизнь, а ты мне дай то-то и то-то, – это не про Тропинина.

Мысли вновь и вновь возвращались к рыбалке.

Неужели все вопросы по этой теме были исчерпаны, и он, Дождев, прицепился к рыбалке?

Может, права Юлия Тропинина, упрекнувшая его в том,

что он не ищет доктора. Но почему же тогда его начальство не упрекает, молчит? Да все понимают, что следствием действительно сделано все возможное, чтобы найти доктора.

Сотни людей, знавших его, в том числе и пациенты, родственники пациентов, опрошены. Просмотрены все имеющиеся в городе камеры видеонаблюдения с целью найти пропавшего.

Город небольшой, камер не так уж и много, все в основном в центре, на пересечении центральных улиц, рядом со школами, другими учебными заведениями, банками, магазинами, ресторанами.

И нигде Тропинин не засветился. Нигде!

Похоже, им действительно заинтересовались инопланетяне.

Дождев достал сигарету, открыл окно, в кабинет ворвался сладкий морозный воздух, несколько снежинок залетело и тотчас бесследно исчезло. Прямо как доктор Тропинин.

4

– Тропинина ходит злая как собака. На всех бросается, даже на санитарок. Говорят, она сегодня утром у следователя была и там тоже сорвалась, наорала на Дождева, мол, ничего-то вы не делаете. Привыкла изображать из себя жену Макса, хотя давно уже не жена. Я, девочки, вообще не могу понять, как он мог на ней жениться. Ведь ничего особенного, так, мышшь серая!

В ординаторской пили кофе три подруги.

Наташа Кравченко, медсестра из гинекологии, яркая шатенка, известная больничная сплетница, любительница красной помады и толстых свитеров – даже в жару всегда мерзнет.

Тамара Савушкина, хирургическая медсестра, работавшая несколько лет вместе с доктором Тропининым, высокая статная брюнетка с синими глазами, человек закрытый, но правильный, принципиальный и очень добрый, хороший организатор.

Соня Наполова – маникюрша из маленькой парикмахерской, расположенной в двух шагах от больницы. Существо безбашенное, помешанное на деньгах, красивой одежде, духах и шоколаде. Ее торчащие крашенные волосы самых разных оттенков напоминают оперенье никому не известной экзотической птицы.

Про Тропинину, про то, что она бросается на всех, сказала, потягивая сладкий кофе, Наташа Кравченко.

Она сидела на диванчике, кутаясь в длинную белую шаль, накинутую поверх больничного бирюзового костюмчика, и на самом деле думала вовсе не о Тропининой, а о том, где и с кем будет встречать Новый год.

Продукты она уже купила, платье ей сшили, туфли она приобрела еще в ноябре, незадолго до исчезновения Тропинина, вот только с очередным любовником поссорилась, разозлилась на него за то, что он не дал ей денег на зубную пломбу, поэтому сейчас, тридцатого декабря, накануне праздника, находилась в растерянности и даже отчаянии.

– Тебе легко так говорить, не ты же его бывшая, – заметила, задумавшись, Тамара.

Она стояла возле приоткрытого окна и курила, надеясь, что ее никто из посторонних не застанет.

Курить, понятное дело, в больнице строго запрещалось. Но кто из курящих врачей или медсестер не курит потихоньку в ординаторской, в открытое окно, когда представляется такая возможность?

Как ни странно, Тамара в тот момент тоже думала о том, где и с кем встретит Новый год.

Мужчины у нее не было, она когда-то давно была замужем, и этого опыта ей хватило на всю оставшуюся жизнь – ее муж пил и один раз сильно избил ее, изуродовал лицо, сломал ей нос. К счастью, хирург областной больницы, куда

ее доставили, окровавленную и без сознания, чудесным образом собрал, восстановил все носовые хрящи и вернул лицу прежнюю правильную форму. Вот только ее отношение к мужчинам после этой бойни резко изменилось – с тех пор она была уверена, что в каждом мужчине сидит зверь, и кто знает, когда он сорвется с цепи и набросится на свою жертву.

– Ключевое слово здесь «бывшая», – сказала Соня Наполова.

Никто не помнил, когда она, посторонний человек в больнице, появилась впервые в этой ординаторской.

Возможно, лет десять тому назад, когда она отлеживалась в гинекологии после аборта, и от скуки, забредя в святая святых – уютную просторную ординаторскую, увидела на столе странный аппарат – освежитель воздуха.

Откуда-то она знала, что при отсутствии кондиционера в самую жару и духоту туда наливают немного воды, моторчик внутри этого аппарата крутится, и приятная влажность наполняет воздух.

Соня, от скуки и безделья, воспользовавшись тем, что весь этаж больницы вообще вымер, притих, словно все, как она потом скажет «ушли на фронт» (на самом деле на третьем этаже шло собрание), не нашла ничего забавнее, чем плеснуть в аппарат холодного пива из бутылки, что принесла ей утром соседка.

Как же она хохотала, когда вся ординаторская наполнилась крепким пивным духом, словно в ней разбили ящик

знаменитого «марксовского» пива.

Конечно, ей попало, кто-то из врачей, вернувшись с собрания, отругал ее, обматерил даже.

Соня же, развеселившись, в знак извинения пообещала всем врачам и медсестрам в течение месяца сделать бесплатный маникюр.

А кто такая маникюрша? Это не просто женщина, приводящая в порядок ногти. Это, как правило, благодарный и тихий слушатель, которому клиентки зачастую исповедуются по полной.

Не у всех врачей, кто в тот «бонусный» месяц успел воспользоваться услугами Сони, получилось подружиться с ней из-за нежелания «опуститься» до маникюрши. А вот Наташа с Тамарой в первый же день знакомства в благодарность за хороший маникюр пригласили симпатичную веселую девушку в рыбное кафе, что на пляже.

Там под белое вино душевно поговорили, еще выпили, затем переместились в квартиру Тамары, где пили холодное шампанское, заедая его клубникой.

Все три женщины были одинокие, вернее, незамужние. И если Тамара и не пыталась найти себе спутника жизни, то Наташа и Соня находились в поиске, а потому довольно часто меняли половых партнеров, что, собственно говоря, в основном и составляло содержание их душевных разговоров.

Основной спор троицы происходил как раз на тему, что лучше для женщины: относительный покой и одиночество

или новые встречи, мужчины, надежды, любовь, страсть, разочарование – одним словом, «движуха».

И как-то так получалось, что именно ближе к новогодним праздникам все трое оставались один на один со своей неустроенной личной жизнью, причем какими бы путями они ни двигались к декабрю.

Словно все новые романы Наташи и Сони разбивались о твердый декабрьский лед, как хрупкое стекло.

И вот уже несколько лет они встречали Новый год втроем в квартире Тамары. Обьедались, напивались, рыдали, пели, обзванивали своих бывших любовников, желая хоть как-то им насолить, испортить праздник, а иногда и провоцировали их, зазывая к себе, правда, никогда и ничем хорошим это не заканчивалось.

Тамара на эти проказы смотрела, что называется, сквозь пальцы – она просто развлекалась, глядя на разгулявшихся подруг, жалела их, но помочь ничем не могла, знала, что от мужчин только одни проблемы и несчастья.

Но в январе в жизни Наташи и Сони снова появлялись новые мужчины, а иногда на время возвращались прежние. Но как правило, они все были женаты.

Город Маркс – небольшой, и свободных мужчин не так много, а если и есть, то все какие-то неблагополучные, неустроенные, никакие. И в каждом таком вот ничтожестве (по мнению Тамары) ее подружки пытались найти какие-то положительные черты.

Она уже наизусть выучила все их оправдания:

«Он добрый, когда не пьет». «Он в постели ноль, но душа золотая». «Да он и не спит со своей женой, просто живут под одной крышей, детей воспитывают».

А потом оказывается, что и жены-то у них беременеют, и семейная жизнь такого вот кота-ходока плавно движется, как если бы и не было никакой Наташи или Сони.

Душевные раны залечивали по-разному. То отправятся втроем в областной центр на оперу или в филармонию на какой-нибудь эстрадный концерт. То купят путевку на неделю-другую в дом отдыха или санаторий местного значения, где будут тупо отсыпаться, танцевать вечерами с пенсионерами, ходить на лыжах зимой или на пляж летом.

На море же ездили поодиночке – трудно было запланировать отдых втроем, то отпуска не совпадали, то у кого-то денег не было.

А денег не было, в основном, у Наташи Кравченко. Все заработанное ею (а это небольшая зарплата медсестры плюс подработки уколами) она тратила на дорогую косметику, особенно помаду, да шерсть для вязания.

Ее шкаф в спальне просто забит был свитерами, кофтами и шалями с носками, которые она беспрестанно вязала.

Часть из них она раздаривала подругам или любовникам, остальное копилось и ждало своего часа.

Вязание стало для нее настоящим наркотиком. Когда бы к ней ни пришли, она встречала всех в толстом свитере или

кофте, на диване – несколько незаконченных вязаных работ, повсюду спицы, клубки шерсти, и губы всегда ярко накрашены, даже когда их никто не видит и она дома совсем одна.

Соня же своим маникюром (особенно педикюром) зарабатывала больше Наташи, деньги копила, а накопив, спускала на духи. На ее туалетном столике всегда стояло несколько флаконов с драгоценными ароматами. Она разбиралась в брендах, знала, где, в каких интернет-магазинах и когда будут скидки, следила за этим, и когда получала очередную посылочку, радовалась, как ребенок.

Вещей у Сони было не так много, все дорогие, качественные, но и носились они подолгу, даже когда надоедали. А еще она очень любила шоколад. Горький, темный. В ее спальне под кроватью имелся небольшой чемодан, сохранившийся еще со времен детских (как она любила говорить, «пионерских») лагерей, в котором она хранила шоколад. Коробки, плитки, наборы, жестяные банки. Шоколадом она заедала стрессы.

– Да бог с ней, с этой Тропининой! – вдруг встрепенулась Наташа и цокнула чашкой по столешнице. – Я вот сижу и думаю, как бы нам поинтереснее встретить Новый год, а мысли снова и снова возвращаются к Максусу. Вот смотрю на его старые кроссовки под столом, на его стол, за которым он много работал, делал назначения – словом, тратил время на писанину, вместо того чтобы оперировать... И мне не верится, что его уже нет здесь почти месяц! Что никто не ущипнет

меня за щеку, не поцелует утром, типа, доброе утро, Натка. Он такой ласковый был, такая душка! Куда делся?

– Да уж... Тропинин ваш классный мужик был, – вздохнула Соня.

– Ты дура, что ли? – набросилась на нее Наташа. – Чего это ты про него в прошедшем времени? Да он живет всех живых! Вот увидишь, он вернется! Откроет дверь, войдет, такой здоровый, высокий, проведет ладонью по своим роскошным светлым волосам, взъерошит их, улыбнется, показывая все свои тридцать два зуба и скажет...

– ...здорово, девчонки! – с трудом из-за сухого горла продолжила за нее Тамара.

– Тамара, только не вздумай плакать! – пригрозила пальцем Наташа. – Мы все по-своему его любим. Другое дело, что он никогда не станет нам больше чем другом. Мы все знаем, как ты убивалась, когда он пропал. И знаем даже почему. Потому что среди всех мужиков, с которыми мы знакомы и которые нас окружают, он – самый достойный.

– Да он человек какой! – судорожно вздохнула Тамара. – Золотой характер, легкий.

– Я рада, что свитер ему подарила, помните, такой белый, с коричневыми оленями, на прошлое Рождество? – сказала Наташа.

– А я вот ничего никогда ему не дарил, – сказала Соня. – Но разве в этом дело? Макс – это не мужчина, а сказка! Мечта! – Она, в отличие от подруг, видела доктора Тропинина

редко, а когда видела, то у нее аж колени подкашивались, когда она представляла себя рядом с ним. И так же, как и они, недоумевала, *что* он, красавец мужчина, нашел в этой Юлии. – Его фотографию в этом свитере можно было бы поместить на обложку рождественского номера какого-нибудь известного глянцевого журнала, знаете, на фоне елки и горящего камина...

– Камин! Загородный дом – вот где я хотела бы встретить Новый год! – вдруг воскликнула Наташа, и глаза ее заблестели. – Что это мы каждый год собираемся у Тамары. Соня, тебе же твоя родственница оставила ключи от загородного дома, ну, того, что в лесу, да? Когда еще она приедет из своей Германии, делать ей здесь нечего... А дом-то у нее шикарный, с камином!

– Нет! Там холодно! Бррр... – обняла себя за плечи Соня. – Пока его протопишь...

– Да брось! Это же я вроде мерзляка, а не ты! Если в сарае дрова есть, то уже не замерзнем! А электричество там есть?

– Есть, конечно...

– Да мы замерзнем там и простынем, – сказала, тоже пожившись, Тамара. – Его сутки надо протапливать. Не думаю, что там есть дрова. Давайте лучше у меня, в тепле и уюте. У меня в этом году такая елка шикарная!

– Тамара, ну пожалуйста, соглашайся! Вот увидите, если мы встретим Новый год как-то иначе, то, может, и жизнь наша тоже изменится! Вы же помните: как встретишь Новый

год...

– Ну, не знаю... – замялась Соня и тут же неловко соврала: – Я не помню, где ключи от дома... Но предупреждаю сразу – газа там нет. Плита, конечно, есть, и кроме настоящего камина есть электрический, плюс обогреватели по всему дому, но вот если бы мы были с мужчинами, то они взяли бы на себя все эти приготовления, отопление...

– А что, девочки, вдруг это на самом деле будет интереснее, чем у меня? Камин – это здорово, – неожиданно, словно только что не отговаривала подруг от этой затеи, поддержала Наташу Тамара, и все посмотрели на нее как на спасительницу.

Подруги знали, что там, где Тамара, там все получится, и они со всем справятся. Не было, казалось бы, ничего такого, чего не умела бы делать Тамара. Она и проводку Наташе в квартире чинила, и прокладки в кранах у Сони в кухне меняла, и вообще обладала кучей полезных для жизни навыков.

– Ну, если уж и ты, Тамара, хочешь в лес, то мне тогда вообще ничего не страшно, – откровенно призналась Соня. – Дрова там в сарае есть, это точно, когда мы были там последний раз с одним моим приятелем, жарили мясо на углях, то дрова брали как раз из сарая. Электричество там круглый год есть, даже интернет, все оплачено...

– А интернет-то зачем?

– На всякий случай, если Марта вдруг приедет... Так вот, она присылает мне деньги, чтобы я следила за домом, под-

держивала его. Хотя мне почему-то кажется, что таким образом она просто помогает мне, подкидывая свои евро. Ну, какие там могут быть расходы?

– Но раз ты такая богачка, и у тебя есть евро, вот ты и купишь икру, а? – Наташа сверкнула глазами. – Не представляю себе Новый год без черной икры.

– Эка тебя развезло, – усмехнулась Тамара. – А меня устроила бы и красная икра. И нечего раскулачивать Соню.

– Да я куплю, без проблем. Вот салаты терпеть не могу готовить, а икру принесу и торт испеку.

– Вот и решено, – захлопала в ладоши Наташа. – Я – салаты, Тамара – колбаску и рыбу, а Соня – икру и торт! Ну, и по мелочи кто что хочет принесет! Ох... Вот все вроде бы хорошо, но настроения новогоднего нет. И снег идет, и все вокруг суется, елки наряжают, витрины магазинов украшают, в городе иллюминация, красота такая... А я думаю иногда о том, где сейчас находится наш Макс. Вы на самом деле думаете, что он еще жив?

– Надо верить в то, что он жив, – сказала Тамара. – И тогда он вернется.

– Откуда? – Соня как-то по-детски смешно выставила вперед ладошки, растопырив пальцы. – Откуда? Оттуда же не возвращаются.

5. Из дневника ***

«Когда хочешь, чтобы тебя ни в чем не заподозрили, надо вести себя естественно, не говорить того, что тебе нельзя, вести себя так, чтобы на тебя меньше всего подумали.

Вот и я тоже поддержала эту идею с домом в лесу. Знала, что там будет холодно, неудобно, что, возможно, возникнут проблемы с электричеством, и что дом на самом деле надо протапливать сутки прежде, чем он согреется. Но слишком уж невероятно прозвучало предложение встретить Новый год именно там.

И как вообще возникла эта идея?

Макс в белом свитере на фоне горящего камина. Вот из этой картинки родилась идея камина, Мартинового дома, праздника в новых декорациях.

Кто же из нас сказал, что надо встретить Новый год как-то иначе, не так, как всегда?

Наташа? Захотелось перемен?

Мои наивные девочки, несчастные девочки, а я ведь могла тогда отговорить вас поехать в лес, и тогда все сложилось бы по-другому.

Но как? Рано или поздно туда все равно кто-нибудь да поехал бы. Но это могло произойти весной или летом. Когда будет тепло. Не поздно ли?

И все-таки, кто-то за нами следит, тот, кто наверху,

и это он заговорил тогда голосом Наташи и предложил поехать туда. Туда, куда я сама не смогла бы.

А если бы меня кто-то увидел?

Нет-нет, все должно было выглядеть естественно, об этом я думала и раньше, когда пыталась построить схему...

Я лихорадочно соображала, как сделать так, чтобы кто-то попал туда естественным образом.

К примеру, если бы из Германии внезапно вернулась Марта, хозяйка дома и наша общая знакомая, немка по национальности, которая уехала в Германию с мужем в качестве поздних переселенцев – немцев Поволжья.

Но все понимали, что она не вернется и что ей куда приятнее и комфортнее встречать Рождество в Германии, там, среди своих многочисленных родственников, эмигрировавших туда первой волной.

Значит, чтобы попасть в дом как бы легально, открыто, всем вместе, сделать это надо было с ведома Сони, доверенного лица Марты, обладательницы ключей.

И как же идеально все сложилось! В какой-то момент я поняла, что уже завтра, нагруженные провизией и подарками, мы с подругами приедем туда, в лес, что находится в трех километрах от города, возле Графского озера, и откроем ворота дома, затем проберемся по сугробам до крыльца, поднимемся и откроем двери.

Сугробы? Об этом я как раз и не подумала. Тогда сугробов

не было. Но дом точно остыл. Ведь его протапливали месяц назад...

И как хорошо, что я догадалась выключить все радиаторы.

Макс, мой дорогой Макс, да если бы я знала, чем все это закончится, разве открыла бы этот дом своими руками?

P.S. На ней было темно-зеленое платье и меховая шапочка».

Дверь ему открыл доктор Михаил Ильич Смушкин. Он был одет по-домашнему, в широкие спортивные штаны и растянутую футболку с красным солнцем на животе. Темные волосы его обрамляли круглое смугловатое лицо, стекла очков поблескивали в полумраке прихожей.

Поговаривали, что он знает великое множество тайн жителей Маркса. Венеролог, ему открывали душу и тело и женщины, и мужчины. Он знал, кто кого заразил и чем, кто кому изменил и когда. Пациенты ценили его за молчание, умение хранить тайны. Будь он болтуном, сплетником, его карьера в столь замкнутом пространстве, каким являлся маленький провинциальный городок, была бы закончена.

– Вы к Юле, предполагаю, – сказал Смушкин, пропуская Дождева в квартиру. – Сейчас я предупрежу ее.

Юля вышла к Дождеву в халате, сонная, растрепанная.

– Вы? – В глазах вспыхнула тревога. – Нашли? Неужели? Конечно, она имела в виду тело бывшего мужа. Потому и испугалась.

– Я задам вам несколько вопросов?

– Да, конечно. Проходите, пожалуйста. – А в глазах вопрос, страх. – Прошу вас, не тяните. Вы нашли его?

– Нет. Но я хотел бы поговорить с вами о рыбалке. О той самой рыбалке, которая так напрягла вас в свое время, уди-

вила. Не так ли?

– Ну да... Вот, садитесь, пожалуйста. Миша, поставь чайник, – бросила она небрежно, как разговаривают с прислугой, даже не взглянув на своего сожителя.

Смушкин ушел на кухню, судя по его виду, его не смутила бы ни одна просьба Тропининой. Вплоть до абсурдной.

Кажется, Михаил был влюблен в эту женщину.

– Скажите, Юлия Андреевна, он поехал на рыбалку со своей дочкой, спиннингом или?..

– Какой странный вопрос. – Она прикусила губу. – Вы это серьезно? Пришли ко мне, чтобы поговорить о какой-то там дурацкой рыбалке?

– Вы напрасно относитесь к этой теме легкомысленно. Дело в том, что порой люди совершают поступки, им несвойственные, и на это у них имеются свои причины. Итак – у Максима Тропинина есть снасти, рыболовные принадлежности?

– Нет!!! И никогда не было, я же вам говорила, он терпеть не мог рыбалку.

– Хорошо. Тогда следующий вопрос: как вы думаете, существует ли причина, мотив, по которой он не мог отказать человеку, а потому отправился с ним на рыбалку?

– Его друзья, я имею в виду ближний круг, наши коллеги по больнице, все знают о том, что Макс не любит рыбалку, а потому никогда его с собой не звали. Другое дело – пикники. Вот это он любит. У нас даже специальная корзина для

пикника есть, ему подарили ее наши друзья. Очень дорогая вещь, стильная.

– Но какая разница, пикник или рыбалка? И то, и другое – все происходит на свежем воздухе, где-нибудь на берегу реки или на острове.

– Он считает, что люди, собравшиеся отдохнуть на природе, должны общаться друг с другом, разговаривать, петь, наслаждаться природой, солнцем, понимаете? А не стоять по пояс в воде в резиновых сапогах с удочкой, наблюдая за тем, клюет или не клюет.

– Быть может, его отношение к рыбалке было связано у него с каким-нибудь случаем из детства? Он ничего вам не рассказывал?

– Послушайте, Дождев, прекратите делать вид, что вы ищете моего мужа. Зачем вы задаете мне все эти бессмысленные вопросы о какой-то там рыбалке? Это же бред! Ну, поехал он с кем-то, может, на лодке, остался ночевать на острове...

– Он приехал с рыбой?

– Ну да... Поймал две маленькие щучки и так, по мелочи...

– Вам фамилия Закатов ни о чем не говорит?

– Что-то слышала... А кто это?

– А это и есть как раз тот человек, Андрей Закатов, с которым ваш бывший муж в августе этого года отправился на рыбалку, на острова.

– Ну и что? Какое отношение это имеет к тому, что Макс пропал месяц назад?

– Думаю, никакое. Просто для того, чтобы знать, где его искать, я должен знать о вашем муже больше, понимаете?

В гостиную вернулся Михаил Ильич с подносом в руках. Он поставил перед Дождевым чашку с кофе и сахарницу.

– Не буду мешать, – сказал он Юлии и ушел, вероятно, в спальню.

– А что Михаил Ильич думает по поводу исчезновения вашего бывшего мужа?

– Он шутит. Говорит, что его унесли инопланетяне. Хотя мне кажется, что все вокруг уверены, что его уже нет в живых. А Миша отшучивается, чтобы не травмировать меня. Вообще-то он хороший, терпит меня.

Дождев на мгновение отвлекся, разглядывая розовые ноздри Юлии. Вроде такое милое лицо, тонкие черты, а ноздри кажутся раздутыми, злыми.

Дождев подумал, что не смог бы жить с женщиной с такими ноздрями. Она бы раздражала его чрезвычайно. А так – стройная, с полной грудью, темные волосы, большие карие глаза.

– Значит, вы не были знакомы с Андреем Закатовым, так? И ваш муж не рассказывал вам о том, что он в середине августа сделал сложную операцию по удалению желчного пузыря известному предпринимателю Закатову?

– Да вы знаете, сколько он удалил этих желчных пузырей?

У него кто только не оперировался, и московские чиновники, и газовики, начальство, из тех, что отдыхают на Волге, на своей турбазе... Знаю, что его много раз звали на разные там банкеты, рыбалку, опять же охоту... Но Макс не любил подобных мероприятий, и вообще он предпочитал проводить время среди своих друзей, он терялся среди чужих, ему было скучно и неловко. К тому же на всех этих пьянках, помимо мужиков, бывают, как правило, девушки легкого поведения, это я точно знаю. У нас в больнице санитарка работает, так вот, ее дочь моет полы как раз в санатории, где отдыхает так называемая элита. Вот уж она там насмотрелась на этих девиц!

– Хорошо, я понял. Тогда еще вопрос. Скажите, Юлия, когда вы были на квартире Тропинина последний раз?

– Не знаю. Не помню. Я время от времени навещала его, приносила ему еду, это правда. Знаю, что не должна была так делать, но ничего не могла с собой поделывать. Да вы разве сами не видите, что я до сих пор считаю себя его женой, близким человеком? Не могу привыкнуть к роли постороннего человека. Сварю борщ – несу ему, нажарю котлеты – бегу к нему!

– У вас что же, ключи были от его квартиры?

– Нет. Просто я же знаю, когда он заканчивает дежурство и идет домой. Как правило, он приходит, перекусывает и ложится спать. Он же много работает, устает. Ну, а если его дома нет, то я звоню соседке и оставляю ей пакет с едой.

– А в самой квартире вы бывали?

– Ну, бывала, пару раз. Когда у Макса поднялась температура и он не вышел на работу. Пришла, принесла ему лекарства, мед... А что вас интересует конкретно? Нет, я не видела у него девушек, если вы об этом. Не знаю, где он вообще с ними встречался. Но то, что он был не один, я чувствовала. Он в последнее время вообще выглядел счастливым, умиротворенным. Да он просто летал!

– Давайте вернемся к его квартире. На мой взгляд, она выглядит нежилой.

– Да. Точно. Вот если бы он жил с женщиной, тогда другое дело. Занавесочки, посуда, шкафчики... Всего этого там нет, это верно. Холостяцкая берлога.

– Однако он все-таки кое-что приобрел или ему подарили... Я имею в виду, чтобы как-то украсить эту самую берлогу.

– А... поняла. В спальне над кроватью висит большая картина, букет роз в белой фарфоровой вазе. Да-да, красивая картина. Но только понятия не имею, откуда она у него. Скорее всего, подарил какой-нибудь пациент. Не думаю, чтобы Макс сам пошел и купил ее.

– Этот натюрморт – работа известного художника Валентина Петровича Гришина.

– Это не того ли художника, что живет неподалеку от нас, в Караваево?

– Да, точно.

– Но я не помню, чтобы Макс его оперировал. Вся больница бы об этом знала. Знаменитости нас не жалуют. Мы же живем в дыре!

– Понятно. Ну что ж, спасибо вам большое, – слегка оторопел Дождев от последней фразы Тропининой.

Он, в отличие от нее и ей подобных, что с презрением относятся к провинции, очень любил свой город, считал, что ему крупно повезло, что он родился на Волге, в живописном месте, что может дышать свежим воздухом, наслаждаться прекрасными пейзажами, рыбачить и охотиться и в то же самое время находиться в городе, пользоваться всеми благами цивилизации.

– Вы мне очень помогли. Если вспомните еще что-нибудь...

– Да, понимаю. Позвоню или приду.

Дождева так и подмывало сказать этой Тропининой: мол, держись за Смушкина, хороший мужик, добрый, любит тебя, хватит уже цепляться за прошлое. Но, конечно, ничего не сказал.

Уходя, крикнул в сторону спальни, где из вежливости скрылся венеролог:

– До свидания, и спасибо за кофе!

– Девочки, только не на такси! – взмолилась Наташа, когда подруги собрались у Сони, чтобы уже от нее отправиться в сторону Графского озера.

– Почему? – спросила удивленно Тамара.

– И ты еще спрашиваешь? Да в нашем городе такси – раз, два и обчелся! Таксисты друг друга знают, а Генка мой раньше работал вместе с ними, думаешь, они не доложат ему, где я собираюсь отметить Новый год? Не хочу, чтобы он в разгар праздника заявился туда пьяный и все нам испортил!

– Причина, конечно, так себе, – усмехнулась Соня, – и после того, как вы с ним разругались из-за того, что он отказался заплатить за твою пломбу, не думаю, что в новогоднюю ночь он бросит свою семью и отправится разыскивать тебя в лесу, зная, что нас там будет как минимум трое. Если уж ты предполагаешь, что его дружки доложат ему о том, где ты, то расскажут, что ты была не с мужчиной, а с нами, твоими подругами. Но все равно я поддерживаю тебя, город маленький, кто-нибудь да узнает, где мы. А там, у озера в лесу, стоит всего один дом, дом Марты. Вдруг кто-то напишет ей, что в ее доме устраивают пьянки. Вы же знаете, какие у нас люди злые и завистливые. Все преподнесут ей в самом некрасивом свете.

– Твоя причина отказаться от такси еще бредовее! –

усмехнулась Тамара. – А может, дело в том, что нам всем будет просто спокойнее, если мы поедем на моей машине? Ведь туда не только добраться нужно, но еще и вернуться обратно. Кто знает, сможем ли мы вызвать такси после, ведь весь город будет пьянствовать неделю, а то и больше. И на таксистов надежды мало.

– Без комментариев! – рассмеялась Наташа. – Твой аргумент не лучше наших. Таксисты в праздничные дни хотя бы заработают немного, подняв цену... Но в одном ты права, если мы поедем на твоей машине, то я буду чувствовать себя спокойнее.

– А может, никуда не поедем? – неожиданно предложила Соня. – Можем остаться у меня, вот прямо сейчас! Или встретим Новый год у Тамары, как всегда.

– Это еще почему? – удивилась Наташа. – Боишься замерзнуть?

– Не знаю... просто предчувствие какое-то нехорошее. К тому же меня уже неделю тошнит. А что, если у меня проблемы с желудком? Если кому-то из нас плохо станет?

– Я взяла с собой лекарства, – сказала Тамара. – Самые необходимые: от обжорства, нервов, обезболивающие. Соня, что случилось?

– Просто представила себе, как мы сейчас приедем, надо будет откапывать ворота от снега, расчищать. А я не знаю даже, где снеговая лопата и есть ли она там. Будем по очереди расчищать снег, вспотеем, надо будет потом принять душ,

а в доме холодно... Неуютно. Мы можем заболеть!

– Так может, вообще разбежимся прямо сейчас по своим нормам и встретим Новый год поодиночке? – нахмурилась Тамара. – Соня, если ты против, то я не поеду. Я могу спокойно отпраздновать Новый год одна, без проблем.

– Девочки, да что с вами? – Наташа принялась тормозить подруг, заглядывая в их лица. – Что это вы перепуганные какие-то? Мы ведь уже собрались! К празднику все готово! Соня, давай уже, бери себя в руки! Да не будешь ты чистить снег, я сама все сделаю! И если нужно, потом приму душ! Тамара растопит камин! Будет классно! Там же и телевизор есть?

– Огромный, и все ловит, – поджав губы, пробормотала Соня. – Там и интернет есть, я же говорила, так что с этим все в порядке. Ладно, поехали, конечно. Сама не знаю, что это вдруг на меня нашло...

– А может, ты беременна? – улыбнулась Тамара.

– Не знаю... – пожала плечами Соня. – Ну, ладно. Поехали уже.

Тамара купила свой «Фольксваген» подешевке и вот уже три года не могла нарадоваться на свое приобретение. Водителем она была средним, по городу ездила тихо, старалась не обгонять, зато чувствовала себя в этой скромной машине совершенно свободной! Еще только собираясь, она предполагала, что в лесной дом подружки захотят поехать на ее машине. Вот если бы намечалась вечеринка без ночевки, тогда

всплыла бы тема такси, а так... Кто знает, сколько дней они проведут за городом? Или часов...

– Я вот смотрю на вас, девочки, и никак не могу взять в толк, что это вы такие сегодня странные, словно вас огрели пыльным мешком по голове? Откуда такое уныние? Нерешительность? Соня, выбрось из головы своего Генку, тем более что никакой он не твой. Котьяра он, поняла? Конечно, не мое это дело, но все же знают, что он ни одной юбки не пропустит. – Наташа, выплеснув эмоции, принялась энергично сдвигать свои тяжелые сумки и пакеты к порогу. – Хочешь – обижайся на меня, хочешь – нет, но обидно будет, если ты залетела от этого уroda...

– Как будто бы я сама не понимаю... – вздохнула Соня и тоже принялась за свои сумки.

– Да здесь еды на целую неделю, – сказала Тамара.

– Так может, мы там и задержимся, а что? Мне на дежурство только второго, Соне – вообще третьего января. А у тебя что?

– Вообще-то первого в ночь, – ответила Тамара.

– Ой, девочки, а елка? Может, мою возьмем, искусственную? У меня в коробке какие-то игрушки остались, можем нарядить. Она хоть и небольшая, но все равно создаст праздничное настроение!

– Нет! – хором воскликнули Тамара с Соней.

– Ну ладно, как хотите... Ленивые вы, вот что я вам скажу!

В машине ехали молча. Каждая думала о своем.

Выехали из города, убеленного снегом и притихшего, и машина покатила по дороге, ведущей к большому сосновому бору, расположенному по правую сторону от Графского озера.

– Надо же, магазин работает! – резко повернула голову Наташа, уставившись в окно. – Видите, окно горит? Я думала, что он работает только летом, там же, за лесом, дачи...

– А ты думаешь, только мы такие романтики и решили встретить Новый год за городом? Некоторые тоже отправились на дачу, чтобы на природе отпраздновать, шашлыки там и все такое... – вяло прокомментировала Тамара. – Смотрите, дорога накатана! Видите? – Она повернула руль, и машина въехала в лес. – Здесь уже кто-то проезжал.

– Ничего удивительного, – сказала Соня. – Дорога идет как раз к садоводческому товариществу, там, кстати, у сестры моей дача.

– Вот интересно, зачем Марта построила свой дом прямо в лесу? Там же, кроме электричества, ничего и нет. Скважину свою, чтоб вода была, прорубили, столько денег угрохали, чтобы сделать ее автономной, а сами взяли и уехали!

– Она давно мечтала пожить в лесу, и чтобы без соседей. Они собирались там собак разводить бойцовской породы, участок-то большой. Понимали, что соседям не понравится соседство собак, – ответила Соня.

– Томка, как хорошо в твоей машине, тепло! – довольным

тоном сказала Наташа.

– Девочки, запишите где-нибудь – нашей Натке тепло! – засмеялась Соня.

8. Из дневника ***

«Первое, на что мы обратили внимание, как только машина остановилась перед воротами, это дорога, ведущая к крыльцу дома. Каким-то волшебным образом она была расчищена от снега! Но кем? Мы все удивились.

Посыпались вопросы:

„А что, если в доме уже кто-то есть?“ „Неужели Марта приехала?“

Соня, как главная, пошла первой, мы – за ней.

И крыльцо было чисто выметено, лишь тонкий слой снега указывал на то, что человек, который так позаботился о нас (или о себе), здесь был совсем недавно.

– Чертовщина какая-то! – это сказала уже Наташа.

Самый на тот момент здравомыслящий и практичный человек из нашей троицы подняла голову к небу и перекрестилась по всем правилам.

– Соня, кто бы это мог быть?

Она обратилась к ней, как к доверенному лицу хозяйки дома, как если бы Соня могла что-то знать.

Но она не знала ничего. Как и я.

Зато я знала другое – вот сейчас мы войдем в дом, разгрузимся, и первое, что придет нам в голову, – это необходимость пробраться по сугробам в сарай, чтобы принести дров для камина.

Но мы и этого не сделаем, не успеем. Потому что дрова нам не понадобятся – от силы через полчаса, а то и меньше, когда мы заглянем в комнаты, точнее, **в ту самую** комнату, все трое вылетим оттуда с криком и визгом! Что забудем о своих салатах и тортах, и они, мои девчонки, попросят меня позвонить в полицию.

Наташа достанет свои сигареты, Соня вообще забьется в истерику, и только я, как старшая (ведь мне почти сорок, а им чуть за тридцать), позвоню Дождеву. И произнесу всего два слова, если только горло мое не сдавит ледяная лапа ужаса: „**Он здесь**“.

В спальню, где на кровати, прикрытые одеялом, лежат два трупа, никто из нас уже не вернется.

Соня будет завывать, Наташа откровенно рыдать, а я? А я буду изо всех сил делать вид, что вижу эту картину впервые, что я, как и мои подруги, потрясена этим двойным убийством.

Я просто окаменею от страха. А чувство предательства по отношению к Соне накроет меня с головой. Ведь это в доме, за которым ей поручили присматривать, произошло убийство.

Получается, что и допрашивать будут в первую очередь ее. Эксперты исследуют замки на дверях и придут к выводу, что никакого взлома не было.

Да и о каком взломе может идти речь, когда я сама, собственными руками украла у Сони ключи. Украла, чтобы

сделать копии. И эти копии ключей находились у нее сейчас в сумочке, а родные ключи лежат на прикроватной тумбочке в спальне, на месте преступления, причем тщательно мною протертые. А она, Соня, ничего об этом не знает.

Макс... Его ресницы, должно быть, побелели от мороза. Лицо, красивое, с благородными чертами, окаменело, заледенело. Мраморным стало и лицо девушки, пышные золотистые кудри которой тоже, должно быть, сейчас покрылись инеем.

У нас, у живых людей, отношения с мертвыми бывают подчас слишком близкими и очень простыми. Ведь мы, у кого бьется сердце, знаем точно, что тот, у кого сердце остановилось, не чувствует боли. И что обратного отсчета времени уже не будет, что он не оживет, его глаза не откроются никогда, а губы не произнесут ни слова (и никого уже не поцелуют). И в эту минуту вступает в силу закон живого, стесненного обстоятельствами человека, формулировка которого звучит цинично и жестко, как, впрочем, и сама смерть: они-то уже ничего не почувствуют, их не вернуть.

Такие слова я произнесла тогда, месяц тому назад, укрывая их еще теплые тела одеялом.

Знала, понимала, что они уже никогда не замерзнут, но все равно принесла из другой спальни самое толстое пуховое одеяло, даже перину, и накрыла их, обнаженных, прикрытых скомканными окровавленными простынями.

Сколько раз я представляла себе алгоритм действий, ко-

торые развернулись бы вокруг меня, позвони я в полицию и сообщи о трагедии. Сотни вопросов, связанных с моими отношениями с Максом.

Я почти слышала их, они снились мне.

– *Какие отношения связывали вас с доктором Тропининым? Как вы оказались в доме Марты Круль? У кого были ключи от этого дома? Вы можете назвать имя и фамилию убитой? Что вам известно об отношениях доктора Тропинина с этой девушкой? Вы ревновали вашего любовника к этой девушке?*

Ревность. Любовь. Страсть. Как же тщательно я скрывала все эти чувства от окружающих!

Никто, никто не знал о наших отношениях с Максом. Никто не знал, сколько тайн я в себе хранила. Для всех я была одинокая, немолодая уже женщина, не интересующаяся мужчинами. Женщина, прошлое которой убило в ней саму жизнь.

Быть может, я и на самом деле стала бы такой – бесчувственной, полумертвой особой, если бы не встретила Макса.

Его рыжие волосы, улыбка, веселые глаза растопили мое сердце, заставили кровь бежать по жилам, пробудили во мне жажду жизни, вернули мне, пусть и ненадолго, молодость.

Ревность... Этот мотив всплывет первым. И если даже учесть, что все мои друзья и коллеги на допросах скажут,

что между мной и доктором Тропининым были лишь исключительно дружеские отношения, все равно – достаточно попасть в мою спальню, как картина моего женского мира предстанет во всей своей правде.

Десятки фотографий Макса, какие-то принадлежащие ему предметы одежды или обуви, все то, что согревало меня одним своим видом, присутствием в моей квартире.

Да, у меня был целый месяц, чтобы все это, целая коллекция неопровержимых улик, исчезло. Но я не сделала ровным счетом ничего – со всех стен на меня по-прежнему смотрел Макс».

9

Дождев приехал в областной центр к своему другу, подполковнику Ивану Соболеву, заместителю руководителя отдела по расследованию особо важных дел, впервые, как ему казалось, без особого повода.

Встречались они не часто, и все больше по серьезным, профессиональным делам, хотя Иван с женой Лилей всегда с радостью встречали марксовского друга и старались оставить с ночевкой, чтобы угостить, дать возможность отдохнуть, немного развеяться.

В отличие от задумчивого и немногословного Дождева, Ваня Соболев, его ровесник, был шумным, веселым, разговорчивым и производил впечатление человека несерьезного и даже легкомысленного.

Однако таким он бывал в основном дома, с женой или друзьями. На службе же он мог быть молчаливым, жестким и даже жестоким, если это надо было для дела.

На фоне худого и жилистого Дождева Иван казался настоящим великаном, сильным, огромным и громкоголосым. Румяный, светловолосый, широкоплечий, полноватый.

Лиля, его жена, напротив, была миниатюрной брюнеткой, но тоже, как и муж, энергичной, шустрой, веселой.

Дождев приехал к ним поздно вечером, домой, предварительно позвонив.

– Дима, как же я рад тебя видеть! – Иван крепко обнял друга. – А щеки-то, щеки – ледяные! Лиля, смотри, кто к нам приехал! Проходи! Ужасно рад тебя видеть! Понимаю, что ты наверняка не просто так пожаловал, но все равно, главное, что ты здесь!

Лиля быстро собрала на стол, достала бутылку водки.

Дождев достал из портфеля коньяк, конфеты.

– А где ваши дети?

– Они у мамы, – ответила Лиля. – Проходите, мальчики, садитесь. Ваня, открой банку с огурцами! А я, с вашего позволения, кино посмотрю.

Дождев чувствовал себя неловко.

Вот о чем он, спрашивается, будет разговаривать с Ваней? Спросит, что ему известно о предпринимателе Закатове?

Предварительно, конечно, расскажет ему об исчезновении доктора Тропинина, и, когда выяснится, что Закатовым Дождев заинтересовался исключительно потому, что тот в августе ездил с ним на рыбалку, что о нем подумает Ваня?

Спросит, какая связь между пропажей доктора и еголетней рыбалкой? Никакой!

Да, он так и сказал. Но только в другом контексте, к счастью.

– Знаешь, Дима, я понимаю тебя. Иногда люди действительно ведут себя неестественно, странно, совершают поступки, которые им не свойственны, ты прав. И именно это зачастую является зацепкой. Но в случае с рыбалкой ты, ду-

маю, напрасно все принял за чистую монету. Твой доктор мог жене наплести, что он на рыбалке был, где и телефон не ловит и все такое. А сам в это время мог развлекаться с какой-нибудь медсестрой в ее уютной спальне. Ты же сам говоришь, что он был бабником. Я думаю, что Закатов здесь ни при чем. Ну, ничего не указывает на связь между рыбалкой и исчезновением доктора.

– Да я уж и сам понимаю... Но раз приехал, может, мне все-таки встретиться с ним и поговорить?

– Мы вместе можем к нему поехать. Да хоть сейчас. Пока трезвые. А потом со спокойной совестью уговорим эту бутылочку с картошечкой, а?

Андрей Закатов, бизнесмен, предприниматель, жил за городом, в большом доме на берегу Волги.

– Смотри, всю дорогу от трассы расчистили от снега. У него, говорят, целый штат прислуги или обслуги. На широкую ногу живет человек, ни в чем себе не отказывает, – хохотнул Иван, глядя на выросший прямо перед ними из леса темный силуэт настоящего замка на фоне вечернего синеющего декабрьского неба. – Смотри, дом большой, а всего одно окно светится, на первом этаже, видишь? Будем надеяться, что хозяин дома.

Высокие кованые ворота, звонок.

Вышел охранник.

Соболев с Дождевым представились ему, показали удо-

стоверение.

Ворота распахнулись, выпуская друзей в голубой заснеженный двор с высокими елями и вычищенной дорожкой, ведущей прямо к крыльцу.

Охранник, видимо, сообщил хозяину о гостях.

Окна первого этажа начали зажигаться, дверь распахнулась, и Дождев увидел Андрея Закатова.

На вид ему было лет сорок. Высокий, худой, лицо уставшее, глаза смотрят пристально, он как будто бы напуган.

– Добрый вечер, Андрей Александрович. Подполковник Соболев из Следственного управления.

– Проходите.

Дождев, попав из темноты в дом, зажмурился от яркого света.

Просторный холл был заставлен кадками с цветами, пальмами.

Закатов, одетый в джинсы и свитер, не оглядываясь, шел вперед, Дождев с Соболевым двигались за ним.

Наконец хозяин открыл дверь, и они все трое оказались в большой гостиной. Кожаные диваны, кресла, телевизор по всю стену, на двух других стенах картины с летними пейзажами, цветами.

Дождев подошел к стене, на которой висела картина, изображавшая букет роз в белой фарфоровой вазе.

Он глазам своим не поверил.

– Чем могу помочь? – Закатов уставился на Соболева

немигающими глазами.

Он бледнел на глазах.

– У нас к вам несколько вопросов. Скажите, Андрей Александрович, что вы делали в августе этого года в городе Марксе?

– В августе? Я поехал туда на рыбалку, но на острове, куда меня привезли друзья, мне стало плохо... Просто очень плохо. И меня доставили в местную больницу, где мне сделали операцию, удалили желчный пузырь.

– А кто вам делал эту операцию?

– Один молодой доктор, высокий такой, рыжий, отличный парень, веселый... Кажется, его фамилия Тропинин. Да, точно, Макс Тропинин.

– Вы приглашали Тропинина с собой на рыбалку?

– Вы имеете в виду, до операции? Да нет, конечно! Мы же с ним не были знакомы. А после операции меня просто привезли домой, сюда. Я больше с ним не виделся. А что случилось-то?

– Есть свидетель, который утверждает, что Тропинин ездил, предположительно с вами, на рыбалку и отсутствовал все выходные.

– Нет. Говорю же, я был на рыбалке с друзьями до операции. После операции я пролежал несколько дней в больнице, Тропинин наблюдал меня, после чего я вернулся домой, и больше мы с ним не виделись. Но почему вы меня спрашиваете об этой рыбалке? Я могу назвать вам список моих

друзей, всех тех, кто приезжал со мной в Маркс. Они подтвердят мои слова.

– Доктор Тропинин пропал.

– Когда? В августе?

– Нет, он исчез примерно тридцатого ноября, месяц тому назад.

Закатов словно окаменел. Он стоял, смотрел куда-то словно сквозь Соболева и Дождева и был в этот момент явно не с ними, а где-то совсем в другом месте. Возможно, на острове.

– Хорошо, так и решим, – сказал Соболев. – Подготовьте мне список людей, с которыми вы были на рыбалке.

– Но я все равно не понимаю! – словно очнулся Закатов. – При чем здесь вообще рыбалка?! И какая связь между августовскими событиями и пропажей вашего доктора, тем более что он исчез, как вы сказали, в конце ноября. Я не понимаю!!!

– Еще один вопрос, – Дождев снова подошел к картине с розами. – Скажите, Андрей Александрович, откуда у вас эта картина?

– Все эти картины подарил моей жене известный художник, Гришин. А в чем дело? Какой-то бред! При чем здесь картины?

– Мы можем поговорить с вашей женой?

– Послушайте, у меня такое чувство, будто вы ищете какой-то предлог, чтобы просто поговорить со мной, задаете странные вопросы... Теперь вот хотите побеспокоить мою

жену. Она нездорова, приняла снотворное и сейчас спит.

– Вы знакомы с художником Гришиным? – Дождев сделал вид, что не слышал возмущения хозяина дома.

– Он что, тоже пропал?

– Вы не ответили на вопрос.

– Нет, я лично не знаком с ним, но интересовался, картины вот купил. Да что, черт возьми, здесь происходит? Что вам от меня нужно?

– Пришлите мне список ваших приятелей с рыбалки вот на эту почту, – Соболев протянул Закатову свою визитку.

Соболев с Дождевым покинули дом, Закатов даже не пошел их провожать. Они слышали, как за ними с грохотом захлопнулась дверь.

– Ты обратил внимание, что мои слова о том, что доктор пропал, не произвели на него ровно никакого впечатления. Ну, разве что немного удивился, не более.

– Но в целом он нервничал, да он вообще как комок нервов! – поддержал друга Дождев. – Пока ты с ним разговаривал, он побледнел. Кулаки постоянно сжимал. Так ведут себя люди, которые чего-то боятся. Может, у него проблемы финансового плана, связанные с его профессиональной деятельностью...

– А что это ты заинтересовался картинами этого Гришина?

– Картина с розами в белой вазе – точно такая, один в один, висит в комнате пропавшего Тропинина.

– Да ты что?! Получается, что мы не напрасно потревожили нашего бизнесмена? Ты же не веришь в такие дичайшие совпадения? Едешь ко мне, не зная, как сказать, зачем тебе Закатов, потому что вроде бы никаких улик против него нет, и ты действовал исключительно интуитивно, и вдруг у него дома находишь копию картины из дома пропавшего доктора... Твои действия, Дождев?

Друзья шагали к воротам, им навстречу вышел охранник, тот же самый, что и впускал их на территорию дома.

Молодой крепыш в форме. Он был напряжен, постоянно оглядывался, словно за заснеженными кустами мог прятаться кто-то, кто за ним следил.

– Скажите, вы ее нашли? – наконец спросил он, когда все трое уже вышли за ворота, где стояла машина Соболева.

– Кого?

– Милу?

– Я не понимаю... – Теперь уже напрягся Соболев.

– Жену Закатова!

– Так она вроде бы спит, приняла снотворное, – сказал Дождев, чувствуя, что и сам уже не верит в это.

– Она пропала в конце ноября. Ее нигде нет. Хозяин ищет ее, нанял еще сотрудников для своей службы безопасности, подключил каких-то детективов, но в полицию не обращался, это я точно знаю.

– Но почему же он не заявил в полицию?

– Думаю, что поначалу он ждал ее, думал, что она вернет-

ся, мало ли... А потом, когда прошла неделя и она не появилась, и он собирался уже обратиться в полицию, его юристы отговорили его, мол, первым подозреваемым станешь ты, алиби, типа, нет, да никто же и не знает, куда она поехала и когда... Просто вышла из дома, села в свою машину и укатила по своим делам.

– И что? Ничего до сих пор о ней не известно?

– Как в воду канула, – он говорил быстро, проглатывая окончания слов, торопился. – Я бы и дальше молчал, если бы вы не представились... Подумал, что тело ее нашли... Все, не могу больше говорить, уверен, что хозяин следит сейчас за мной. Я должен закрыть ворота.

– Позвони мне завтра утром, – Соболев протянул ему визитку. – Обязательно позвони. Я скажу тебе, куда приехать. Тебя как зовут-то?

– Виталий я, Родионов.

– Хорошо, Виталий. Значит, до завтра.

В машине Соболев закурил.

– Да, Дима, похоже, не напрасно ты приехал... Я вот думаю, может, развернуться, да и задержать этого Закатова?

– Я бы на твоём месте сначала послушал охранника, потом бы допросил людей из службы безопасности бизнесмена, словом, всех тех, кого он нанял, чтобы искали его жену, связался бы с детективом, а потом уже решал, задерживать Закатова или нет. Человек он в городе, как я понимаю, влиятельный. Перед тем как надевать на него наручники, надо

бы проверить слова охранника. Вот представь, ты задержи-
ваешь Закатова, а его адвокат...

– Да понял я, понял... Закатов вообще может сделать вид,
что его жена отправилась в гости к матери, к примеру. А где у
нас доказательства того, что она пропала месяц тому назад?
Только показания охранника? Меня другое интересует – по-
чему он не обратился в полицию? Охранник говорит, что его
юристы отговорили. Но почему? Если он не виноват...

– Значит, виноват. Возможно, они поссорились, и этому
есть свидетели. Вот чувствую сердцем, между ними что-то
произошло, что может послужить мотивом к убийству.

– Убийству?

– Дождев, окстись! Смотри, как все складывается! Зака-
тов в августе едет в Маркс на рыбалку. Вполне вероятно, что
с ним была и жена. Закатов попадает с желчным пузырем на
операционный стол к Тропинину. Жена, понятное дело, ря-
дом с мужем, волнуется, переживает. Конечно же, она раз-
говаривает с Тропининым. А что, если между ними вспых-
нула страсть, и, пока Закатов отлеживается в реанимации,
Тропинин с его женой отправляются, не знаю, на острова или
куда-нибудь еще, где бы их не могли увидеть, город-то ма-
ленький! Мы же не знаем точной даты, когда Тропинин не
ночевал дома. Между твоим доктором и женой бизнесмена
– роман! Об этом становится известно Закатову, он застаёт
любowników и убивает их! Вот и все! Возвращается домой,
возможно, кто-то из окружения знает о том, что произошло,

и все хранят молчание.

– Вот это-то как раз и неправильно. Если бы он убил жену или обоих любовников, то, вернувшись домой, первым делом написал бы заявление о пропаже жены. Причем обстоял бы все так, как если бы она пропала, когда его хотя бы не было в городе, то есть обеспечил бы себе железное алиби. Но он молчал, в полицию не обращался...

– Хочешь сказать, что он не убивал и на самом деле надеялся, что она вернется?

– Да, Закатов мог узнать о том, что у жены появился любовник. Да она сама могла ему рассказать об этом и просто уйти из дома. Мы же ничего о ней не знаем! Но не думаю, что это он ее убил. Как ее зовут?

– Кажется, Мила. Так сказал охранник. Мила Закатова.

– А может, в этой Германии не так уж и хорошо, раз Марта не продала дом, а?

Наташа бродила по дому, то и дело восклицая от восхищения.

Дом был большой, светлый из-за огромных, во всю стену, окон, уютный, несмотря на то что в нем давно никто не жил.

– Девчонки, вы чего застряли на кухне-то? Тома, Соня, неужели вам не интересно осмотреть его? Хотя ты, Соня, здесь все уже видела... Тамара, ау!!! Слышите? Эхо! Какой простор! Да здесь можно на велосипеде кататься!

Тамара, словно и не слыша Наташу, машинально выкладывала из всех сумок подряд контейнеры и банки с закусками. Сердце ее колотилось при каждом возгласе Наташи.

– Надо бы заняться камином... – сказала Соня, делая вид, что собирается куда-то идти. На самом деле она ждала, когда Тамара извлечет из сумки бутылку водки. – Слушай, давай выпьем. Чтобы согреться.

– Ладно... – Тамара откупорила бутылку, позвала Наташу: – Натка, пойдем выпьем, чтобы не замерзнуть!

– Да подождите вы! – Ее голос донесся откуда-то уже издалека. – Сейчас спальню осмотрю!

Тамара встала, открыла буфет, достала два стакана, сполоснула водой и налила себе и Соне по пятьдесят грамм вод-

ки. Выпила и зажмурилась.

– И все-таки я не понимаю, кто расчистил дорожку от снега? А, Соня? Марта точно не приехала?

– Нет, не приехала. Я совсем недавно просматривала ее страничку в «Одноклассниках», она там делится рецептом новогоднего кекса, жаркого. Они же там уже справили Рождество, и, хотя немцы практически не отмечают Новый год, наши, я имею в виду русские немцы, конечно же, празднуют! И ни слова о том, что она куда-то там собирается, тем более в Россию. Да что ей здесь делать? У нее там теперь вся семья, они завели себе друзей, из таких же переселенцев, как и они сами. Нет, это точно не Марта...

– Соня, но нам же всем это не приснилось! Дорожка расчищена, причем недавно. А что, если это кто-то из друзей или знакомых Марты решил встретить Новый год здесь, в доме? Все может быть. И что мы будем делать, если вот прямо сейчас за воротами увидим машину, а в ней – всех тех, кто решил воспользоваться этим домом для праздника?

– Я лично не знаю таких людей, которые, не сообщив ничего мне, решили бы занять дом... В любом случае, если бы это было сделано с ведома хозяйки, то Марта бы мне сообщила.

И тут они услышали визг. Он доносился откуда-то издалека, из глубины первого этажа. И визжала Наташа.

Тамара закрыла лицо руками. Соня перекрестилась.

– Девчонки! Сюда, быстрее!!!

Ноги Тамары словно отнялись, она шла из кухни до спальни, как ей показалось, очень долго. Соня плелась следом.

– Водка ударила в ноги, – сказала Соня. – И чего Натка визжит, как поросенок, которого режут?

Тамара приблизилась к двери спальни, сделала шаг, еще один... Сначала зажмурилась, а потом открыла глаза, и ее прошиб пот.

Ната стояла возле платяного шкафа-купе с загадочным видом. И сияла!

– Девочки, смотрите, что я нашла!!! – И тут она с торжественным видом достала из глубины шкафа мятую унылую искусственную елку.

Тамара, осмотрев комнату, нахмурилась. Пошатнулась.

Соня поддержала ее.

– Ты чего, Томка? – Наташа подбежала к ней. – Ты чего испугалась-то? Думала, я тут домового встретила?

– Да что-то водочка ей в голову ударила или в ноги, да? – улыбнулась Соня одними губами.

– Девочки, а чем здесь пахнет? – спросила Наташа, потянув носом. – Или мне просто кажется?

– Это от нас водкой пахнет, – ответила Соня.

– Да нет... Хлоркой несет. А еще – плесенью... Соня, ты что, прибиралась здесь перед тем, как нам приехать? Такое впечатление, будто бы здесь недавно кто-то вымыл полы с хлоркой. А плесенью тянет из шкафа, там какая-то старая одежда висит, ее бы просушить...

– Я? Я что, похожа на самоубийцу? Еще скажете, что я снег расчистила, да? Или отправьте меня за дровами в сарай! Мы, кажется, договаривались...

– За дровами пойду я! – вручив елку в руки Тамаре, торжественно воскликнула Наташа и понеслась по дому к выходу. – И камин разжигать буду тоже я. У меня в сумке где-то есть сухой спирт! А вы поищите пока газету или картонку! Ну, и начинайте уже хозяйничать! Включайте все радиаторы, духовку!

Последние слова донеслись уже откуда-то с улицы.

– Сколько же в ней энергии, – сказала уже просто, чтобы сказать, Тамара. – Вы с ней словно телами, организмами поменялись. Раньше она все мерзла, а теперь ты, Соня. Может, ты правда беременная? Хотя я и медик, но как-то не похоже. Ладно, я пойду на кухню, а ты, милая, протри всю пыль в гостиной, найди скатерть, и начнем накрывать стол. Соня, ау!

– А вдруг я на самом деле беременна? – Соня тяжело вздохнула.

– От кого? От Алика твоего?

Соня не ответила.

11. Из дневника ***

«Могла ли я их остановить, придумать что-нибудь такое, чтобы не поехать туда? Думаю, что могла бы. Достаточно было мне просто заболеть. Сделать вид, что у меня что-то болит. Живот, нога, рука, да что угодно! Без меня они туда точно бы не отправились. Я же для них как мужик. Со мной не страшно, я ж все умею, все смогу правильно организовать, обо всем позаботиться.»

Но в который раз я уже повторяю – ничего случайного в нашей жизни нет. И это просто колдовство какое-то, что Наташа вспомнила, как подарила Максу свитер с оленями, а Соня, представив Макса в свитере на фоне пылающего камина, словно подсказала Наташе идею, где можно отпраздновать Новый год.

Ну почему, почему именно там?

Да потому, ответила я тогда сама себе, что уже давно пора было найти нашего доктора Тропинина. Мы все, хоть и старались делать вид, что он жив, подбадривали друг друга, возмущались, когда кто-то случайно проговаривался, говоря о нем в прошедшем времени, но все равно понимали, что его уже нет с нами. Что, будь он жив, он нашел бы способ дать о себе знать.

Готова ли я была к тому, что его найдут, а спустя совсем немного времени выйдут и на меня? Нет, конечно! Раз-

ве к этому вообще возможно подготовиться? Ведь толпа захочет меня растерзать!

Иногда, просыпаясь в холодном поту у себя в постели, я словно слышала эти голоса, которые шептали мне в уши, какая я гадина, лживая ханжа, старая шлюха, тварь...

Но все это было ночью, утром же я, смыв следы кошмаров, приводила себя в порядок, надевая строгую черную юбку и белую блузку, аккуратно причесывала свои густые черные волосы, слегка припудривала лицо, подкрашивала губы и приезжала на работу – монашка монашкой.

Мужчины? Да какие мужчины, помилуйте?! Я даже слышать не хочу ваши разговоры и сплетни, кто с кем переспал, кто кого любит или бросил. Все это пустое. Любви нет, а страсть – это чувство животное, а потому относиться к нему нужно несерьезно.

Да, все об этом знали, все, кто испытал эту самую страсть, но с каким же отчаянием и наслаждением все те, кого коснулась эта зараза, бросались в эти сладкие и острые чувства!

Презирала ли я тех, кого прямо на моих глазах губила страсть?

Нет, скорее жалела. В отличие от них я-то знала, понимала, чем все это закончится.

Завидовала ли? Хотела ли испытать эту самую страсть?

Спросите меня еще, хочу ли я попробовать наркотики.

Нет. Я предпочла спокойную и размеренную жизнь. Во всяком случае, мне удалось всех в этом убедить.

Поэтому, когда обнаружат тело Макса и снова пройдет волна допросов всего коллектива, всего его окружения, то никому и в голову не придет, что в этой трагедии замешана я. И какой же бомбой гроыхнет по всему городу финал расследования убийства, когда станет известно, кто и за что убил нашего молодого доктора!

Оказывается, у него был роман со своей хирургической сестрой, Тамарой Савушкиной! Вы видели ее? Да она похожа на синий чулок! Страшна, как атомная война! Что он в ней нашел? Сколько же месяцев, лет они тайно встречались? А что, жена ничего не видела и не слышала, они же все работали бок о бок!

Говорят, Савушкина приревновала Тропинина, узнала о его связи с другой и просто сошла с ума! Заманила в какой-то загородный дом, напоила снотворным и убила, вонзила ему иголку, простое сапожное иголку прямо в сердце!

Да не может этого быть!

Говорят, это муж той девушки приехал, разыскал их и убил.

Нет-нет, это она, ведь на рукоятке иголки обнаружили отпечатки ее пальцев. Да там повсюду, в этом доме, следы ее рук.

А что это за дом? Он принадлежит Марте Круль, помнишь, немка, она уехала в Германию, а за домом присмат-

ривала ее племянница, маникюрша из парикмахерской, что рядом с больницей.

А что его жена? Ты имеешь в виду бывшую жену Тропина?..

Таких разговоров будет много, об этом будут судачить все – и бывшие пациенты Макса, и мои коллеги, знакомые, продавицы, парикмахерши, пенсионеры, водители такси, учителя... Весь город!

А меня посадят в тюрьму. Мне дадут лет восемь, будет трудно, возможно даже, невыносимо, но все же лучше, чем страдать здесь, на воле, глядя, как Макс живет своей жизнью, без меня. Как в перерыве между операциями он уединяется в укромном углу больницы, чтобы позвонить своей новой возлюбленной.

„Ты моя перепелка, – скажет он в трубку, – моя птичка сладкая... Как же я соскучился по твоим перышкам, клювику...“

Он всех своих женщин называет перепелками, и как же нежно у него это получается! И тогда каждая женщина чувствует себя маленькой и беззащитной перепелкой, и ей хочется принадлежать этому страстному, красивому парню...

Понимает ли он, что губит их? Как погубил свою жену! ...Наташа, самая бодрая из нас, забыв про холод и не мучая себя вопросом, кто же расчистил дорожку от снега, отправилась осматривать дом.

Я дала ей всего пару минут на то, чтобы она открыла дверь спальни и увидела трупы. Но время шло, она ходила по дому, открывала какие-то двери, а я в ожидании кошмара не могла найти себе места.

Мне так хотелось выпить! Выпить, чтобы все, что должно было случиться в ближайшие минуты, не накрыло меня с головой, чтобы у меня оставались силы выдержать крики моих подруг, появление полиции, допросы...

И когда мы с Соней уже выпили, и когда нервы мои уже не выдерживали, и я готова была сама уже распахнуть дверь спальни, чтобы увидеть то, что мучило меня весь последний месяц, мы наконец услышали истошный визг Наташи. Бросились в спальню, а наша дурочка, оказывается, нашла в шкафу искусственную елку! А спальня...

Там не было никаких трупов. Постель, которая сейчас должна была заледенеть от застывшей на морозе крови, была чистой. Перины вообще не было. Не говоря уже о трупах. Покрывало с черно-белым шахматным рисунком было совсем новым, белые подушки взбиты и лежат одна подле другой. Кругом в комнате чистота и порядок. Вот только запах хлорки и плесени насторожил меня – здесь явно кто-то был и все чисто вымыл. А вот куда дел трупы?

Кто же обнаружил тела? Кто позаботился о том, чтобы в доме их не было? И тот, кто это сделал, тоже молчит – город не знает о том, что доктор Тропинин мертв. И что убили не только его, но и его возлюбленную.

Возможно, этот человек, так же, как и я, молчит до поры до времени. Но если у меня была причина молчать, вернее, я просто пока не готова была сообщить о том, что произошло в этом доме и какое отношение к этому имею я, мне понадобилось время, то человек, который проник в этот дом и все прибрал, – он-то почему молчит?

Какое отношение он имеет к этому дому? Кто этот неизвестный, который приехал сюда, расчистил дорожку, вошел в дом, открыл дверь спальни, обнаружил там трупы и вывез их куда-то, после чего все вымыл, постелил чистую постель, прикрыл ее этим жутким, рябившим глаза шахматными квадратиками покрывалом?

Почему он сразу не вызвал полицию? Чего ему-то бояться?

Ну, рассказал бы полиции, что приехал в дом, а там трупы... Конечно, начнутся вопросы, кто такой, почему без разрешения проник в дом...

– За дровами пойду я! – Неунывающая Наташа, вручив мне в руки елку, отправилась за дровами. – У меня в сумке где-то есть сухой спирт! А вы поищите газету или картонку! Ну, и начинайте уже хозяйничать! Включайте все радиаторы, духовку»!

Дождев по дороге домой заехал в поселок Караваево, расположенный в двадцати километрах от Маркса. Нашел дом художника Гришина. Добротный, кирпичный, с большим садом, который просматривался через сетку-рабицу.

Дождев подумал о том, что в доме художника наверняка имеются картины с зимними пейзажами, убеленными снегом яблонями, зимними розовыми закатами.

Сам Дмитрий зиму не любил, считал, что это смерть для всех растений, что вся природа словно замирает в ожидании тепла и что это несправедливо вот так мучить холодом все живое. Но вслух никогда об этом не говорил, как-то не по-мужски это.

Дождев был сентиментальным, мягким человеком, но всегда старался это спрятать. У него сердце сжималось, когда он видел бездомного котенка, больную собаку, но в дом к себе животное взять не мог, понимал, что не справится с питомцем, что его и дома-то не бывает, и оттого расстраивался еще больше. Поэтому проходил мимо с тяжелым сердцем. Но если у него был при себе бутерброд, то всегда подкармливал голодных животных, а иногда и покупал для них какой-нибудь пирожок или булку.

Никто не подозревал, что в душе он оставался ранимым и нежным мальчиком, честным и справедливым, таким, ка-

ким его воспитала мать. Он и в следователи-то пошел, чтобы помогать людям по мере своих сил. Вот только на службе он старался не показывать своей мягкости, с коллегами держался нейтрально, общался преимущественно по работе, ни с кем не дружил.

Исключением для него стал Иван Соболев, с которым им довелось вести общие дела, несмотря на то что тот жил и служил в областном центре.

С Ваней они как-то быстро нашли общий язык, подружились, и, хотя виделись редко, время от времени перезванивались, советовались друг с другом, а иногда просто разговаривали по душам.

Летом Иван с семьей часто приезжал в Маркс – погостить у Дождева, порыбачить, а то, если удастся, и поохотиться.

В охотничьих угодьях Маркса можно было подстрелить вальдшнепа, рябчика, перепелку, была дичь и покрупнее – олени, косули, кабаны...

Пока друзья рыбачили или охотились, жена Вани Лиля проводила с детьми время на пляже, помогала Дмитрию по хозяйству, готовила еду и в душе мечтала купить в Марксе на берегу Волги маленький домик с садом.

Валентин Петрович Гришин, невысокий коренастый старик с шапкой седых волос и молодыми голубыми глазами, встретил гостя в современных джинсах и толстом вязаном свитере. Из распахнутой двери пахло теплым скипидарным духом.

Дождев представился.

– Впустите, Валентин Петрович?

– Отчего ж не пустить? Я гостям всегда рад. Проходите, пожалуйста.

Как Дмитрий и предполагал, все стены большой комнаты в доме были увешаны картинами, но вот мольберта там не было – мастерская художника находилась в правом крыле дома, почти в саду, и была она вся застеклена и хорошо протоплена.

Вот там Гришин с удовольствием показал Дождеву свои новые работы, рассказал о том, как ему здесь, в Караваево, уютно и спокойно живется и, главное, хорошо пишется.

– Что привело вас ко мне, молодой человек?

Дождев достал телефон и показал фотографию натюрморта с розами в белой вазе.

– Скажите, Валентин Петрович, это ваша работа?

– Да, моя. Вернее, у меня было две работы, одну я написал летом, в июле этого года, а вторую – примерно в сентябре я скопировал по заказу одного человека.

– Скажите, где находятся эти ваши работы?

– Одну я сам лично подарил своей ученице, Милочке, а вторую она попросила меня написать для своего мужа, в офис.

– Милочка?

– Да, Мила Закатова. Она занималась у меня, брала уроки живописи. Талантливая девочка, у нее много чего получа-

лось. Правда, времени на занятия у нее всегда было в обрез. Все спешила куда-то, а потом и вовсе забросила. Предполагаю, муж ее чрезмерно контролирует. Но это и неудивительно, ведь она такая красавица! Редкой красоты девочка. А почему вы, собственно говоря, заинтересовались этими моими работами? Смею предположить, хотите заказать еще копию?

За каких-то пару секунд он рассказал так много и одновременно почти ничего, чтобы в самом конце спросить, не желает ли товарищ следователь заказать у него натюрморт?

– Быть может, когда-нибудь... Но сейчас я приехал к вам совсем по другому поводу.

– Да? Ну, что ж... Я вас слушаю.

– Вы слышали когда-нибудь о докторе Тропинине?

– Максиме Ивановиче? Разумеется! Кто ж его не знает? Нашли? – Оказывается, и Гришин знал о том, что доктор пропал.

– Увы, пока нет.

– И вы приехали ко мне, чтобы... – Гришин взглянул на Дождева так, что они одновременно все поняли. Вернее, это Дождев понял, что Гришин догадался, какое отношение он может иметь к доктору. Ведь он только что назвал имя девушки, судя по всему, обычной девушки без каких-то особых талантов, которой вдруг вздумалось брать уроки живописи у художника, живущего поблизости с городом, в котором она могла встречаться со своим любовником доктором Тропининым.

– Скажите, когда вы последний раз видели Милу Закатову? – Вот так, прямо в лоб спросил следователь.

– Примерно месяц тому назад.

– При каких обстоятельствах?

– Как обычно.

– Валентин Петрович, доктор Тропинин пропал, сами знаете. Поэтому я прошу вас – будьте предельно честны и откровенны, отвечая на мои вопросы. Возможно, вы поможете нам с поисками. Вы же понимаете, о чем я?

Гришин задумался. Занервничал.

– Хорошо. Значит, дело было так. На обратном пути домой она заезжала ко мне, я показывал ей этюд или набросок, который сам за нее и делал, она платила мне и забирала работу, чтобы показать мужу. Если же это было масло, то работу она взять, конечно же, не могла, просто делала фотографию, но чаще я сам фотографировал ее за мольбертом, чтобы она показала мужу, чтобы он не сомневался, что она действительно занимается у меня.

– Когда Мила появилась у вас впервые?

– Накануне моего дня рождения, двадцать пятого августа, это я точно помню. Я гостей ждал, ко мне еще тогда сестра приезжала, помогала мне готовить... А Мила? Она – девушка прямая, знает, чего хочет. Она сразу объяснила мне, что ей от меня нужно, сказала, что у нее дела в Марксе и что муж не должен об этом знать. Словом, я нужен ей был для алиби. И она готова была мне заплатить за эти несуществующие

ющие занятия.

– Она что, художница?

– В детстве Мила ходила в художественную школу, поэтому, думаю, выбрала для своих поездок именно эту тему.

– Но почему она выбрала вас?

– Уверен – по географическому принципу. Узнала, что поблизости от интересующего ее объекта проживает художник, у которого можно позаниматься живописью, вот и обратилась ко мне.

– Она сказала, что у нее в Марксе «дела»?

– Поначалу да. Это уже позже, когда мы с ней сблизились, вы же понимаете, что такого рода отношения не могут не сблизить людей, повязанных тайной и деньгами... Так вот, когда она поняла, что может мне доверять, она и призналась мне, что в Марксе у нее живет любовник. Она не то что наивная, нет, просто, я думаю, ей хотелось об этом поговорить. К тому времени я уже узнал из интернета, кто такой Закатов, ее муж, понял, что человек он серьезный, очень богатый и что Мила не зря так крышует, что она боится его, с одной стороны, с другой – верит в то, что наши с ней так называемые занятия помогут ей еще какое-то время продлить свой роман с доктором.

– Расскажите, что вам известно об их романе?

– История интересная, между прочим. В августе Закатов приехал в Маркс порыбачить, взял с собой и жену. Она, конечно, рыбачка еще та, но с удочкой посидеть в красивой

заводи ей в кайф, это я вам ее слова передаю. Так вот, отправилась вся эта компания на острова, вы же знаете, какая у нас там природа и как много рыбы, надо только знать места. И только они расположились, костер развели и все такое, как Закатова скрутило, он прямо завыл от боли. Оказалось – воспалился желчный пузырь. Его быстренько на лодке доставили в город, в нашу районную больницу, и оперировал его как раз Максим Иванович. И вот пока он там находился, не знаю точно, сколько дней, Мила же там, в больнице находилась, рядом с мужем, вот тогда у них с Тропининым все и закрутилось... Она же, когда приехала ко мне в первый раз, вы бы видели ее – она вся была искутана комарами! Вы же понимаете, Маркс город маленький, все друг у друга на виду, трудно что-то скрыть. Вот он и увез Милу на какой-то остров, лодку у кого-то одолжил, у него у самого нет...

– И как часто они встречались?

– Два раза в неделю, а то и чаще. Она всегда была на нервах, ее всю трясло, когда она приезжала ко мне.

– На машине?

– Да, на своей машине. Она очень боялась, что муж ее заподозрит в чем-то, что проследит, куда она ездит, у него же своя служба безопасности, для него проследить за женой ничего не стоит.

– И все равно она рисковала.

– Да. В планах у нее было, конечно, развестись и выйти замуж за Тропинина. И он, кстати говоря, был к тому вре-

мении разведен, то есть у него-то препятствий не было – свободный мужчина! А вот у нее могли быть серьезные последствия. Хотя я же не знаком с Закатовым... Вернее, мы с ним знакомы, он приезжал ко мне вместе с Милой. Он произвел довольно-таки приятное впечатление и уж точно не был похож на тирана или монстра. Молодой еще человек, культурный, образованный, он с большим интересом рассматривал мои работы, несколько штук купил.

– Натюрморт с розами?

– Тот, что я написал в июле, Закатов как раз и купил по просьбе Милы, и они его увезли. А потом Мила заказала мне копию, сказала, что хочет подарить Тропинину на день рождения. Думаю, что эта работа сейчас находится либо у него дома, либо где-нибудь в кабинете на работе. Скажите, Дмитрий... Господи, как же это я не догадался раньше?.. Мила что, тоже пропала?

– Да. Однако ее муж вот уже месяц как пытается найти ее своими силами и даже не обратился в полицию.

– Получается, что они пропали в одно и то же время?

– Да.

– Если вы хотите знать мое мнение, то я не верю в то, что Закатов убил их. Нет-нет, это просто невозможно. Он не такой человек. Конечно, я мало его знаю и понимаю, что у него большие возможности, но не думаю, что он способен на крайние меры. Допускаю даже, что Мила могла ему сама рассказать о том, что хочет развестись. Но если бы все му-

жья, которых разлюбили, убивали бы своих жен и соперников, народу бы совсем не осталось. Вы же понимаете.

– Но тогда почему же он не обратился в полицию?

– Возможно, он предположил, что она у своего любовника, поэтому и не искал. Может, она вообще заявила ему о том, что уходит от него, и ушла.

– Но что тогда мешало ему рассказать нам об этом? Я же только вчера с ним встречался.

– Этого я вам сказать не могу.

– Мила предупредила вас о том, что больше не приедет к вам, вы закончили с ней свои занятия или же она пропала внезапно?

– Внезапно. Но я не придавал этому особого значения потому, что понимал – она сама знает, что делает. И если не звонит, значит, есть причина. Подумал, что ей самой надо во всем разобраться. Но в душе ждал, конечно, что когда-нибудь они появятся у меня вместе с Тропининым, свободные и счастливые, потому что им уже не нужно будет прятаться... Я же фантазер, ждал, что они пригласят меня к себе на свадьбу, и даже планировал подарить им одну картину, с маками.

– Как вы думаете, они могли просто взять и сбежать?

– Вот сейчас, когда я узнал, что Мила пропала, я тоже думаю об этом... Знаете, что я вам скажу? Мила, конечно, могла бы сбежать от мужа и вообще совершить такой вот отчаянный и, прямо скажем, безответственный поступок, но

Максим Иванович – нет. Несмотря на его молодость, страсти-мордасти, любовь, он в первую очередь хороший хирург, врач, и если бы он и принял решение уехать из города, все бросить, чтобы начать новую жизнь, то он сделал бы все официально, понимаете? Он бы все тщательно продумал, спланировал.

– Вы не знаете, где они встречались в Марксе?

– Они прятались, это я точно знаю. Кажется, на какой-то тайной квартире или в доме. Но не у него дома, это точно. Мила рассказывала, что бывшая жена Тропинина не оставляла его в покое и даже после развода пыталась заботиться о нем, постоянно таскалась к нему домой, оставляла чуть ли не под дверью какие-то сумки, пакеты с борщами и котлетами.

– А он-то чего прятался?

– Думаю, он не хотел, чтобы его видели именно с Милой. Вероятно, он таким образом пытался уберечь ее от внезапного визита мужа. Он же не глупый человек, понимал, что рано или поздно муж узнает...

– Мила не говорила, чего именно она боится? Ну, знаете, как иногда женщины говорят, мол, муж узнает – убьет.

– Нет, такого она не говорила. Но все равно боялась его. Иногда у нее прорывалось, что она недостаточно хорошо знает своего мужа, не знает, чего от него ждать. Но никогда не говорила о нем плохо, что он жестокий или плохо обращается с ней. Нет. Мне кажется, она испытывала перед ним чувство вины за то, что изменяет ему. Но и остановиться уже

не могла.

– Спасибо вам, Валентин Петрович, вы очень мне помогли.

– Как вы думаете, они еще могут быть живы?

Дождев позвонил Соболеву, чтобы ввести его в курс дела.

– Послушайте, да что с вами такое сегодня? И прекратите уже пить!

Наташа, развив бурную деятельность и растопив камин, сама постелила скатерть на стол в гостиной, и, расположившись на кухне, принялась выкладывать салаты и закуски в салатницы, менажницы, тарелки.

Соня с Тamarой, уговорив на двоих полбутылки водки, с трудом, подталкиваемые Наташей, накрывали на стол.

– Знаете, у меня такое чувство, будто бы вы к концу года подрастеряли все свои душевные и физические силы... – Наташа двигалась быстро, все-то получалось у нее аккуратно, красиво. – Давайте уже, дорогие мои девочки, приходите в себя. Вы только посмотрите, какая кругом красота!

Она вдруг подбежала к прозрачной стене гостиной, за которой прямо на глазах тонул в голубых сумерках сад, и, всплеснув руками, покачала головой в умилении.

– Сумасшедшая красота!!! Дом, что ли, купить, хоть самый маленький, но с садиком! Соня, где твоя икра?

– В сумке, – отмахнулась от нее Соня, которая мрачнела прямо на глазах. – И масло где-то там, и батон.

Внезапно Наташа резко повернулась и уставилась на подруг:

– Послушайте, может, я ничего не знаю? Что случилось?

Тамара, посмотри на меня! На тебе лица нет! Соня, а ты? В чем дело? Может, не хотите встречать здесь Новый год? Что-то не так? Или я накосячила?

Она стояла посреди гостиной растерянная, с широко раскрытыми глазами и недоумевала, не понимала, что происходит. Праздник не получался.

– Если вы думаете, что замерзнете... Но вроде бы теплеет.

– Да брось, Натка, все нормально. И ты молодец, вон как огонь в камине пылает! – сказала Тамара, но по ее виду и тону чувствовалось, что говорит она это словно через силу.

– Вы мне скажите, елку можно наряжать или нет?

– А где ты возьмешь игрушки? – с каменным лицом спросила ее Соня. – Насколько я помню, мы отговорили тебя брать сюда твою елку с игрушками.

– А там, в спальне, в шкафу, я нашла и коробку с игрушками. Их не так много, в основном какие-то красные банты, флажки да несколько шаров...

– Что еще ты нашла в спальне? – усмехнулась как-то нехорошо Соня.

– А что я могла там еще найти? Или вы думаете, что это неприлично – рыться в чужих шкафах? Соня?! Скажи! Я как-то неприлично себя веду?

– Да это я так... Извини. Сама не знаю, что несу, – поспешила успокоить подругу Соня.

– Ну, ладно, проехали, – Наташа взяла себя в руки и, решив, что беспокоиться не о чем, продолжила приготовления.

Нашла в сумке все необходимое для бутербродов с икрой. – Ой, девочки, какая икра! Чудо! А лук зеленый кто-нибудь взял?

– Все в сумке, – снова раздраженно бросила Соня. – Выложи все на стол и увидишь...

Тамара, наблюдая за действиями Наташи, заставила и себя тоже присоединиться к ней, достала из буфета большой хрустальный графин, куда вылила апельсиновый сок из коробки.

– Ну вот, у тебя уже и руки дрожат! – заметила Наташа. – И давно это у тебя?

И тут произошло неожиданное. Соня, вдруг вскочив со своего места, метнулась к Тамаре, схватила графин и с силой бросила его прямо на плиточный кухонный пол.

Звук бьющегося тяжелого хрустального графина был похож на взрыв! По звонким красным плиткам быстро разлился сок, острые прозрачные осколки графина плавали в желтой жидкости опасными острыми углами вверх.

Наташа от удивления начала сползать по стенке вниз. Она так испугалась, словно в нее выстрелили.

Тамара выругалась так, как никогда в жизни.

– Сонька, ты сбрендила, что ли? Что с тобой? Узнала, что беременна? – Наташа, собравшись, старалась разговаривать с ней как с тяжело больной. Боялась сказать что-то лишнее, чтобы не спровоцировать на какой-нибудь еще безумный поступок.

– Я не знаю, что мне делать... Совсем не знаю. Мне кажется, что я вижу какой-то дурной, страшный сон... – прошептала Соня, давась слезами. – И вы все какие-то нереальные... Ущипните меня, ударьте, наконец, чтобы я пришла уже в себя!!!

– О каком сне ты говоришь? Что тебе приснилось? – Тамара, словно протрезвев, взяла себя в руки и теперь вернулась к своей роли старшей.

Она еще не знала, что сейчас услышит, но заранее готовилась к тому, чтобы, вынырнув из *своего* страшного сна, помочь подруге, как-то успокоить ее.

Соня стояла, вытянув перед собой руки, и видно было, что и они дрожат, как и у Тамары. Она хотела что-то сказать, но челюсть свело, а потом отпустило, и зубы начали стучать так, что было слышно.

– Если я сейчас скажу вам, что случилось, то сразу потеряю вас. Навсегда. Да и жизнь всех нас, троих, сразу же изменится. Причем в худшую сторону. И никто не знает, что будет ждать нас впереди. Вот и решайте сами, вам это нужно?

– Соня, милая, да что с тобой? – Наташа подошла и обняла подругу. – Успокойся. Поверь, что бы ты ни сказала, ты нас уж точно не потеряешь. Мы же подруги. Даже если бы я была замужем и узнала, что ты переспала с моим мужем, думаю, что я и тогда бы простила тебя. А вот его – нет...

– Господи, а ты-то чего несешь?! – воскликнула теперь

уже Тамара. – И что только всем вам в голову лезет! Какие мужики, да и причем здесь они вообще, как будто бы в жизни ничего важнее нет!

– Но это же я так, гипотетически! – пожала плечами Наташа. – Просто я хотела сказать Соне, что готова простить ее заранее за все! Ну, что такое она могла совершить, чтобы мы с ней разругались в пух и прах? Я даже представить себе такое не могу!

– Может, она украла у тебя деньги? – гоготнула нервно Тамара.

– Вы что, грибов, что ли, галлюциногенных нажрались? Чего несете-то? – теперь уже Наташа по-настоящему разозлилась, схватила с тарелки только что приготовленный ею же мягкий и жирный бутерброд с икрой и отправила в рот. Целиком. И теперь стояла со смешными надутыми шарообразными щеками и, энергично двигая челюстями, не могла ничего говорить. Только вращала глазами да вертела головой, как если это могло помочь ей поскорее прожевать.

– Спрашиваю вас еще раз – вы действительно хотите знать правду или же все сделаем вид, что ничего не происходит?

– Да что происходит-то?

– Ничего не произойдет до тех пор, пока я не открою рот и не расскажу вам, что со мной случилось, почему я такая. Почему разбила графин, почему мои нервы готовы довести меня до паралича!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.